

Ольга Баринова

Глава в её
крови

Ольга Баринова

Пламя в ее крови

<https://litres.ru/74254709>

Аннотация

Он — проклятый лорд и сильнейший маг поколения, запертый в собственном поместье. Годы одиночества, боли и борьбы с магией, что рвется наружу.

Она — простая служанка, серая мышь, чья жизнь — зола и пепел.

Их встреча — случайность. Их прикосновение — искра. Их страсть — пламя, способное сжечь дотла весь Блэквуд-холл.

Но почему его огонь не жжет ее? Откуда взялся золотой узор на ее запястье? И почему Совет Магов внезапно заинтересовался забытым поместьем?

Правда изменит все. Но будет ли у них шанс на счастье?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ЗОЛА И ПЕПЕЛ	10
ГЛАВА 2. КОРИДОР В НИКУДА	25
ГЛАВА 3. ГЛАЗА ЦВЕТА РАСПЛАВЛЕННОЙ ЛАЗУРИ	36
ГЛАВА 4. ВКУС ЗАПРЕТА	45
ГЛАВА 5. ПЛЕННИК В СОБСТВЕННОЙ КЛЕТКЕ	59
ГЛАВА 6. НОЧНЫЕ КОШМАРЫ И ПРОБУЖДЕНИЕ ПЛОТИ	66
ГЛАВА 7. ВКУС ЛЮБВИ	75
ГЛАВА 8. ПЛАМЯ, КОТОРОЕ НЕ ОБЖИГАЕТ	88
ГЛАВА 9. УЗОР НА КОЖЕ	94
ГЛАВА 10. ТАЙНЫЙ ХОД	102
ГЛАВА 11. УРОКИ МАГИИ (И ЧЕГО-ТО БОЛЬШЕГО)	109
ГЛАВА 12. КРОВЬ ХРАНИТЕЛЕЙ	116
ГЛАВА 13. ИСПОВЕДЬ ЭКОНОМКИ	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

ПРОЛОГ

Ночь дышала вереском.

Этот густой, терпкий аромат - сладкий, медовый, почти удушливый - всегда был для Себастьяна Блэквуда запахом дома. Запахом свободы. Но сегодня все было иначе. Сегодня в медовую горечь вплелась тошнотворная, металлическая сладость крови, и это был его собственный запах.

Он стоял на коленях.

Холодные, влажные камни врезались в кожу, но эта боль была ничтожной, далекой, словно принадлежала кому-то другому. Спину раздирало огнем — там, где ритуальные кинжалы оставили свой след, исполосовав молодую плоть ровными, аккуратными линиями. Кровь медленно стекала по пояснице, по ребрам, пачкая кружево манжет, которые он не успел снять, и впитываясь в плотную ткань бриджей. Луна, равнодушная и яркая, заливала серебром это жуткое действо, выхватывая из темноты широкие плечи юноши, его склоненную голову и черные, как смоль, волосы, слипшиеся от пота на висках.

Он поднял взгляд.

Глаза Себастьяна Блэквуда были тем единственным, что не поддавалось тьме этой ночи. Яркие, невозможные, цвета бирюзы тропических морей, о которых он читал лишь в книгах, — сейчас они казались почти светящимися в лунном свете. Но в них не было покоя. В них полыхал пожар. Зрачок расширился настолько, что едва не поглотил эту небесную синеву, превращая красоту в нечто пугающее, безумное, первобытное.

Вокруг него, сомкнувшись неровным кольцом, стояли они. Совет Магов. Двенадцать старцев в тяжелых, расшитых серебром мантиях, чьи лица казались масками, вырезанными из старого пергамента. Их глаза горели фанатичным огнем, а пальцы, униженные перстнями с магическими камнями, сжимали рукояти кинжалов. Кинжалов, что еще минуту назад пили его кровь.

— Твой дар вышел из-под контроля, Блэквуд, — голос Верховного мага, Аргуса Эшворда, был сухим и шуршащим, как осенняя листва под ногами. — Ты — угроза для каждого живущего в этом королевстве. Для магов и простых людей.

— Я не хотел, — собственный голос показался Себастьяну чужим, хриплым, рвущим горло изнутри. Он попытался вдохнуть, но воздух царапал легкие. — Я пытался... сдер-

жать...

— Тщетно. — Эшворд покачал головой, и от этого движения тени на его лице зазмеились, словно живые. — Твоя сила — это пожар, а ты как ребенок, играющий с головешками. Ты обратил в пепел Башню Совета, Блэквуд.

Себастьян вздрогнул, и это движение отозвалось острой болью в исполосованной спине. Башня Совета. Гранит и вековая магия, вплетенная в каждый камень. Он помнил только вспышку собственного гнева — всего лишь мгновение, когда старейшины в очередной раз отказались слушать его доводы о реформе магических законов. Он хотел всего лишь привлечь их внимание, заставить увидеть в нем равного. А вместо этого...

— Внутри были люди, — голос Аргуса упал до шепота, но в этом шепоте слышалось железо. — Двенадцать магов, Себастьян. Двенадцать твоих братьев по дару. Они успели создать защитный купол в последнюю секунду. Ты не убил их сегодня. Но мог бы. И если ты не властен над своей силой сейчас, что случится завтра? Через месяц? Когда рядом с тобой окажутся те, кого ты любишь?

Перед глазами Себастьяна всплыло лицо матери. Ее бирюзовые глаза — точно такие же, как у него — полные слез

и ужаса. Она умоляла его быть осторожнее.

— Дайте мне время, — хрипло выдохнул он, чувствуя, как сила снова закипает в крови, отзываясь на его гнев и отчаяние. Она пульсировала в висках, зудела под ногтями, жгла грудь изнутри, норовя вырваться наружу и испепелить всех этих самодовольных лицемеров в мантиях. — Дайте шанс.

— Шанса не будет, — Аргус сделал шаг вперед, и его тень упала на лицо Себастьяна, погасив лунный свет в бирюзовых глазах. — Мы не можем тебя убить, Блэквуд. Твоя семья слишком сильна, твоя кровь слишком стара. Наследник древнего рода, последний из проклятого семени. Если мы прольем твою кровь здесь, начнется война, которая уничтожит нас всех. — Он сделал паузу, давая весу своих слов опуститься на плечи юноши. — Но мы можем тебя запереть.

Себастьян рванулся, пытаясь встать, но невидимые руки вдавили его обратно в землю, заставив суставы жалобно хрустнуть. Бирюзовые глаза полыхнули такой яростью, что двое младших магов невольно отшатнулись.

— Нет! — Это был рев молодого сильного волка, схваченного капканом — Вы не смеете!

— Мы — Совет.

Двенадцать магов подняли кинжалы в едином, отточенном движении. Лунный свет скользнул по лезвиям, и они вспыхнули холодным пламенем.

Заклинание Сдерживания сорвалось с их губ как вой.

Воздух вокруг Себастьяна сгустился, стал вязким, как смола. Ему казалось, что с него живьем сдирают кожу — нет, не кожу, а самую суть, сам дар, который был частью его плоти и духа с самого рождения. Его вырывали наружу грубыми, невидящими пальцами, скручивали в тугой жгут, а потом, с чудовищной силой, вплавляли обратно. Каждая клетка тела кричала, разрываемая этим насилием. Невидимые цепи обвивали его душу, стиснули грудь, не позволяя вздохнуть, сковали руки и ноги.

Себастьян закричал.

Это был крик чистого, первобытного бешенства, крик хищника, которого загоняют в клетку. В последней, отчаянной вспышке агонии, сила все же вырвалась из него, неконтролируемая, слепая.

Ослепительно-белая вспышка вырвалась из его груди, опалила собственную кожу, лизнула траву у его колен. Но,

скованное заклинанием, пламя не могло достать магов. Оно ушло в землю, в воздух, в ночь — и ударило по вереску.

Там, где только что колыхалось серебристо-лиловое море, через мгновение осталась лишь черная, обугленная, мертвая земля. Идеальный круг пустоты, центром которого был он сам.

Сознание угасало, утягивая его в черный, липкий омут беспамятства. Последнее, что увидел Себастьян Блэквуд перед тем, как провалиться в никуда — этот черный круг, простирающийся от него во все стороны, и бледные, торжествующие лица магов над собой. Они заперли чудовище. Они сделали это.

Тьма сомкнулась над ним, тяжелая и беззвучная, не обещающая ни снов, ни пробуждения.

ГЛАВА 1. ЗОЛА И ПЕПЕЛ

Серый свет едва пробивался сквозь мутное, засиженное мухами оконце под самым потолком. Для Элинор Брукс этого света было довольно, чтобы понять — утро наступило, и наступило безжалостно рано, как оно наступало всегда.

Она не открыла глаза сразу. Лежала на жестком тюфяке, набитом соломой, которая за полгода еще не успела превратиться в труху, и слушала тишину. За тонкой дощатой перегородкой, отделявшей ее каморку от комнаты старшего лакея, было подозрительно тихо — значит, Томас уже ушел вниз, а она проспала.

Элинор села так резко, что в висках застучало.

Проспала. Господи, только не это.

Ее каморка была меньше чулана для метел — узкая, длинная, с косым потолком, где невозможно было выпрямиться в полный рост. Но здесь было сухо. И здесь она была одна. После приюта Святой Агнессы, где двадцать девчонок сопели в одной спальне, это казалось невероятной роскошью. Даже сейчас, спустя полгода, она просыпалась и удивлялась тишине и одиночеству.

Элино́р провела ладонью по спутанным волосам. Они рассыпались по плечам и спине — мышино-русые, без единого золотистого или рыжеватого отблеска, тонкие и непослушные, вечно путающиеся в колтуны, сколько ни расчесывай. В приюте их стригли коротко, под мальчика — чтобы вшей не было. Здесь, в Блэквуд—холле, она отрастила их за полгода до плеч, но так и не научилась с ними управляться. Эли заплела их на ночь в жидкую косу, но за несколько часов сна пряди выбились и теперь торчали в разные стороны смешными завитками. Она не видела в этом ничего смешного. Только лишняя морока.

Умылась Элино́р из жестяного таза, стоящего на шатком столике. Вода была холодной, и она поежилась, ополоснув лицо и шею. Посмотрелась в маленькое зеркало.

Она уже почти закончила приводить себя в порядок, когда почувствовала — что-то не так.

Рука сама потянулась к шее, туда, где под сорочкой всегда висел медальон. Тонкая серебряная цепочка, которую она не снимала с самого детства, — единственное, что осталось от прошлого, от той жизни, которую она не помнила.

Пальцы нащупали знакомый металл. И замерли.

Замочек ослаб.

Элино́р вытащи́ла меда́льон из-за пазухи, поднесла к глазам. Маленький серебряный кружок с едва заметным узором на крышке тускло блеснул в утреннем свете.

— Черт, — выдохнула она.

Сколько она себя помнила, медальон всегда был на ней. И сейчас, если она его потеряет... если он соскользнет и упадет, пока она таскает ведра с водой или чистит картошку...

Элино́р поколебалась секунду. Потом решительно расстегнула замочек.

Цепочка скользнула в ладонь, медальон мягко звякнул. Она завернула его в старый носовой платок, опустила на дно деревянной шкатулки, где хранила свои скудные сокровища — пару медных монет, засушенный цветок, подаренный кем-то в детстве, и письмо из приюта с отказом в помощи. Спрятала шкатулку под тюфяк.

Выпрямилась, потерла шею — непривычно пустую, голую. Странное ощущение. Словно чего-то не хватает.

Элинор оделась. Платье из грубой серой шерсти, выданное при найме, уже штопаное на локтях — миссис Оглторп покачала головой, увидев, как она трет щеткой котлы: «Эдак ты все порвешь, Брукс. Научись локти беречь». Фар-тук, некогда белый, уже утратил первозданную свежесть — полгода стирок сделали свое дело. Чулки она натянула бережно — других не было. Башмаки на деревянной подошве, великоватые на полразмера, гулко стукнули по полу, когда она спустила ноги с кровати.

Господи, до чего же хотелось спать.

Но печь ждать не будет. Миссис Оглторп не прощает опозданий. Она усвоила это в первый же день.

Кухня Блэквуд—холла была отдельным миром.

Когда Элинор вбежала туда, запыхавшаяся, с колотящимся сердцем, первое, что ударило в лицо — жар. Огромный очаг, занимавший половину стены, напоминал разверстую пасть дракона — черную, закопченную, с красными угольями вместо зубов. Вторая стена была уставлена медными кастрюлями и сковородами, начищенными до такого блеска, что в них, как в кривых зеркалах, отражались танцующие те-

ни от огня. Пахло здесь вчерашней кашей, свежим хлебом, дымом и еще чем-то неуловимо домашним, отчего у Элино́р до сих пор щемило сердце. За полгода она так и не привыкла, что у нее есть дом.

Миссис Оглторп, грузная женщина лет пятидесяти с лицом, напоминающим печеное яблоко — такое же румяное, морщинистое и доброе — стояла у очага и ворочала кочергой. Увидев вбегающую Элино́р, она поджала губы.

— Явилась, соня? — проворчала повариха, даже не оборачиваясь. Но в ее голосе не было злости. Миссис Оглторп ворчала всегда, на всех и по любому поводу, и все знали — это ее способ разговаривать. — Полгода здесь, а все как слепо́й котенок. Последи за печью. Угли в левом поддувале еле живы. И смотри не обожгись, как тогда.

Элино́р густо покраснела, вспомнив, как в первую неделю сунулась голыми руками в золу и заработала волдыри. Миссис Оглторп тогда намазала ей руки гусиным жиром и три дня кормила завтраком вне очереди, ворча, что «такая неумеха только дармовую еду переводит».

— Я мигом, миссис Оглторп, — выдохнула Элино́р, подхватывая охапку хвороста.

Она опустилась на колени перед очагом — уже привычно, не думая о том, что колени будут болеть к вечеру. Жар ударил в лицо, мгновенно высушив влажную после умывания кожу. Она ловко подложила щепки, раздула угли, и через минуту веселый огонь уже лизал сухие поленья.

Работа отгоняла сон. Элино́р любила это чувство — когда тело движется само, по заведенному ритму, а мысли могут блуждать где угодно. Сегодня мысли блуждали в прошлом.

Шесть месяцев назад ее, шестнадцатилетнюю девчонку, вызвала к себе хозяйка и сухо сказала: «Брукс, твое пребывание в приюте подошло к концу. В Блэквуд-холл требуются работники. Здесь кормить дармоедов никто не будет».

Она не помнила, как добралась до повозки нанимателей. Кажется, просто шла, куда глаза глядят, и наткнулась на человека с бумагой в руках. «Элино́р Брукс? В поместье требуется помощница по кухне. Что умеешь?»

«Я все умею», — соврала она тогда, глядя в землю, чтобы не видели ее страха.

Она не умела ничего. Совсем. В приюте драили полы, но там полы были каменные и драить их надо было шваброй.

Здесь же, в поместье, оказалось, что есть десятки разных поверхностей, которые требуют разного ухода, и десятки правил, которые надо соблюдать, и десятки людей, перед которыми надо вовремя приседать в реверансе.

Первый месяц был адом. Элинор плакала по ночам в подушку, зажимая рот рукой, чтобы никто не слышал. Она была уверена, что ее выгонят. Но миссис Оглторп только ворчала, поправляла, показывала снова и снова — и не гнала.

Здесь не били. Здесь не запирали в карцер за нерасторопность. Здесь миссис Оглторп, поругав для порядка, всегда оставляла для нее в печи еще теплый кусок пирога, а когда Элинор заболела на третьем месяце, принесла в каморку горячий отвар и заставила выпить все до самой капельки.

Для Элинор, привыкшей к затрещинам и вечному голоду, это был рай. Настоящий, хоть и пропахший дымом рай.

— Эй, Брукс! — оклик вырвал ее из воспоминаний. — Ты тесто собралась месить или так и уснешь в нем? Меси, не жалей рук! В тесто душу вкладывать надо, оно тепло любит.

Элинор закатала рукава, оголив худые, привыкшие к тяжелому труду руки, и погрузила их в теплую упругую массу. Это она уже умела. Миссис Оглторп три месяца показывала,

как правильно: «Не мни, как тряпку, ты его ласкай, оно живое». Элинор старалась. Очень старалась.

Вокруг нее кипела жизнь: поваренок таскал воду, крутил вертел, миссис Оглторп перекрикивалась с ним о качестве сливок. Элинор уже начинала различать всех по голосам, уже знала, кто из слуг любитель стащить лишний кусок, а кто честный. Она медленно и робко, но становилась своей.

Завтрак для прислуги подавали в людской.

Длинный деревянный стол, грубо сколоченный, но чисто выскобленный до белизны, был уставлен мисками с овсяной кашей на молоке и с маслом, свежим хлебом и кружками с травяным чаем.

Элинор сидела в самом конце, у двери, откуда дуло. Так она сидела все полгода. Никто не предлагал ей сесть ближе к очагу, и она не напрашивалась. Ее дело маленькое. Она здесь новенькая, хоть и прижилась.

— Говорю тебе, вой был! — щебетала Дженкинс, понижая голос до драматического шепота. Она подседа поближе к конюху Томасу, стреляя глазками. — Я как раз поднима-

лась с подносом, и вдруг — такой звук, жуткий! Прямо из-за двери.

— Не вой, — поправил ее Томас, здоровенный детина с рыжей шевелюрой. Он наклонился ближе, обдав всех запахом конюшни и эля. — Стон. Лорд наш по ночам мучается, когда магия рвется наружу. Ты ж сама ему едуносишь, неужели не слышала никогда?

Дженкинс зябко повела плечами, обхватив себя руками.

— Слышала, — призналась она шепотом. — Но я думала... может, ветер это. Или крысы. Страшно же думать, что там человек так мучается. Я всегда ставлю поднос у дверей и бегу со всех ног, чтобы не слышать. А вчера замешкалась, и вдруг этот звук... — она перекрестилась быстрым, испуганным движением. — Прямо мороз по коже.

— То-то же, — Томас удовлетворенно кивнул, довольный, что его слова подтверждаются. — Я два года здесь работаю, ни разу его не видел. Никто не видел. Только слышали. По ночам. Говорят, он и днем-то не выходит, только в темноте сидит. Людей боится. Или себя боится. Проклятие его гложет.

— Какое еще проклятие? — Дженкинс округлила глаза.

Томас перегнулся через стол.

— Три года назад было дело. Говорят, лорд Себастьян такое сотворил... Башню Совета спалил дотла магией своей. Они его за это и запечатали. И держат теперь здесь, как зверя в клетке.

Элинор чуть не поперхнулась кашей. Лорд Блэквуд? Тот самый, чей замок дал ей кров? Она слышала разговоры о нем впервые. За полгода никто ни разу не обмолвился о хозяине.

Дженкинс вздохнула, и в этом вздохе смешались страх и любопытство.

— Бедный, — прошептала она. — И страшно, и жалко. Я каждый раз, как поднос ставлю, молюсь, чтобы он не вышел. А вдруг выйдет? Что тогда?

— А красивая, говорят, у него была невеста, — встрял поваренок Нэн, вечно сопливый мальчонка лет двенадцати, который работал здесь уже два года и считал себя бывалым. — Леди Маргарет Эшворд. Из той самой семьи, что его прокляла. Любовь у них была, а он, бедненький, теперь взаперти, а она...

— Длинный язык у тебя, Нэн, — раздался от двери ледяной голос.

Все разом смолкли.

Миссис Крамп, экономка Блэквуд-холла, стояла в дверях людской, сложив руки на груди. Элиноর внутренне сжалась. Эту женщину она боялась больше всего. Миссис Крамп появилась в ее жизни всего полгода назад, но успела стать олицетворением всего пугающего в поместье. Сухая, поджарая, с гладко зачесанными седыми волосами и тонкими, вечно поджатыми губами. Ее черное шелковое платье шуршало при каждом шаге, как осенняя листва, и этот звук заставлял Элинор вжимать голову в плечи до сих пор.

— Лорд Блэквуд сам по себе, вы сами по себе, — отчеканила миссис Крамп, обводя столовую тяжелым взглядом. Ее глаза остановились на Нэн, и та вжала голову в плечи. — Забыли, что в прошлом году Долли уволили за длинный язык? Забыли, как она потом по деревьям мыкалась, никто на работу не брал? Хотите повторить ее участь?

За столом воцарилась мертвая тишина. Элинор уставилась в свою миску, боясь дышать.

— Работать идите, — коротко бросила экономка и вышла.

День тянулся бесконечно.

Элино́р чистила котлы до блеска, скребла разделочные столы, носила воду из колодца, пока руки не начинали дрожать от напряжения. К вечеру она едва держалась на ногах. Пальцы стерты, спина гудит, в глазах темные круги от постоянного жара печи.

Но она не жаловалась. За полгода она поняла одно: жаловаться здесь не принято. Работай молча, и тебя не тронут.

Ужин прошел в молчании. Никто больше не смел заикаться о лорде Блэквуде. Даже Дженкинс притихла.

Когда последняя миска была вымыта и водружена на полку, Элино́р на негнущихся ногах поплелась в свою каморку.

Она не стала зажигать свечу — силы были только на то, чтобы стащить башмаки и платье и рухнуть на жесткий тюфяк. Солома зашуршала, принимая ее усталое тело.

Сон пришел не сразу. Элино́р ворочалась, слушая, как ветер гуляет за стенами, и думала о том, что сказал Томас. Лорд

в восточном крыле. Запертый. Мучающийся по ночам.

Ей стало страшно. И почему-то любопытно.

А потом сон сморил ее, и страх ушел.

Элинон стояла в темноте.

Не в своей каморке — темнота здесь была иной. Густой, бархатистый мрак, в котором не было ни стен, ни пола, ни потолка, только пустота. И в этой пустоте, далеко-далеко, начали вспыхивать искры.

Сначала одна. Потом вторая. Третья.

Они кружились вокруг нее, как светляки, и с каждым их движением воздух становился теплее. Элинон не боялась. Странное дело — здесь, во сне, она впервые за полгода чувствовала себя в безопасности. Полной, абсолютной безопасности.

Искры сгущались, собирались воедино, и вдруг из пламени проступили очертания.

Руки. Сильные мужские руки с длинными, красивыми пальцами. Благородные руки.

Они потянулись к ней из тьмы, и Элинор замерла. Первое прикосновение — кончиками пальцев к щеке — обожгло. Не больно. Жарко. Так жарко, что по телу разлилась сладкая, томительная истома, какой она не знала никогда в жизни.

Пальцы скользнули по шее, спустились к ключице, потом к груди. Там, где они касались грубой холстины, ткань словно исчезала, и жар проникал прямо в кожу, в кровь, в самую сердцевину.

Элинор хотела увидеть лицо. Рванулась вперед, вглядываясь в пелену пламени, что скрывала того, кому принадлежали эти руки.

Но огонь вспыхнул ярче, заслонив все.

Она закричала — и проснулась.

Сердце колотилось где-то в горле. Элинор села на тюфяке, хватая ртом воздух. Сорочка прилипла к телу, мокрая от пота. Внизу живота пульсировало странное, незнакомое томление.

Что это был за сон? Чьи это были руки?

Она прижала ладонь к груди. Сквозь щель в ставнях про-

бывался лунный свет — серебристый, холодный. Он упал на подушку.

И там что-то тлело.

Крошечный уголек, размером с горошину, пульсировал багровым светом на серой наволочке. Элинон замерла. Медленно, словно боясь обжечься, она протянула руку и смахнула его ладонью.

Уголек рассыпался в прах.

На пальце остался черный, жирный след.

Элинон уставилась на свою руку, и в груди шевельнулся ледяной ужас. Что это был за сон? И почему после него остается настоящий пепел?

Она поднесла пальцы к лицу, втянула запах гари — и вдруг поняла, что в темноте ее каморки, в тишине этой ночи, она слышит не только стук собственного сердца.

Где-то далеко, в восточном крыле, завывал ветер.

Или это был не ветер?

ГЛАВА 2. КОРИДОР В НИКУДА

Семь ночей подряд ей снился огонь.

Она просыпалась с именем на губах — именем, которое не могла вспомнить, с чувством сильных рук на своей талии, с жаром мужского тела, которого никогда не касалась наяву. Первые три дня Элинор убеждала себя, что это просто морок, следствие усталости и душного воздуха в каморке под лестницей. Но с каждым рассветом видения становились лишь ярче и настойчивее.

Теперь она ложилась в постель со страхом и с томлением, от которого сосало под ложечкой. Она ждала. Ждала огненных всполохов за закрытыми веками, ждала прикосновений, от которых немело тело и каждая клеточка превращалась в обнаженный нерв.

Но лица она не видела. Только ощущала — жар, силу, отчаянную, почти болезненную страсть, от которой перехватывало дыхание. Во сне его руки — сильные, горячие — прижимали ее к чему-то холодному, может быть, к каменной стене. Его губы находили ее губы в темноте, требовательные, голодные. Она чувствовала тяжесть его тела, запах — дым, старое дерево и что-то терпкое, мужское, от чего кружилась

ГОЛОВА.

— Кто ты? — шептала она в забытьи, отвечая на поцелуй с отчаянной смелостью, на которую никогда не решилась бы наяву.

Ответа не было. Только новый поцелуй, только жадные пальцы, срывающие тонкую ткань ночной сорочки, только жар, от которого плавилась кости.

Она просыпалась с криком, зажав рот подушкой. Сердце колотилось где-то в горле, между ног пульсировало влажное, сладкое томление, а простыни были сбиты в комок. Стыд жег щеки ярче, чем его воображаемые ласки.

— Господи, прости меня, грешную, — шептала Элинора, глядя на серый рассвет за крошечным окошком. Она пыталась молиться, но перед глазами стояла только тьма, в которой горели угли глаз, а в ушах звучал низкий голос: «Ты придешь ко мне».

На седьмое утро она спустилась в кухню с синими кругами под глазами и трясущимися руками. Но странное дело — даже тряпка в ее руках казалась сейчас спасением от того безумия, что творилось в ее голове.

Утро выдалось суматошным. Миссис Крамп еще затемно уехала в город за припасами, оставив кухню на попечение миссис Оглторп, поварихи, женщины грузной, шумной и вечно недовольной. Она командовала здесь, когда экономки не было, и командовала жестко.

— Дженкинс! — рявкнула миссис Оглторп, вытирая руки о передник. — Где эта бездельница? Завтрак для хозяина уже готов!

Поваренок, мальчишка лет четырнадцати с вечно испачканным сажей носом, испуганно пискнул из угла, где чистил картошку:

— Миссис Оглторп, Дженкинс не выходила сегодня. Я стучался — тихо.

Повариха тяжело поднялась по лестнице в комнатухи прислуги. Вернулась она через несколько минут, хмурая, как грозовая туча.

— Горячка у нее. Бредит. Мечется и кричит про огонь, про то, что он идет за ней.

Кухня затихла. Тишина стала такой плотной, что было слышно, как потрескивают дрова в плите.

— Я же говорил, — прошамкал старый садовник, греющий руки у огня. — Восточное крыло — гиблое место. Я

в тот год, когда леди Блэквуд померла, своими глазами видел: ставни в башне сами собой открывались, а ветер выл позвериному. Дженкинс туда ходила, завтрак носила. Вот и дождалась.

— Чего дождалась-то? — не удержался поваренок, округлив глаза.

Садовник понизил голос до шепота:

— Говорят, позавчера она тайком в щель заглянуть пыталась. Хотела хоть глазком на хозяина взглянуть. Любопытно же, какой он. Что увидела — не рассказывает, только кричит теперь без остановки и трясется вся. Глаза вытаращенные, будто самого дьявола повстречала.

Миссис Оглторп перекрестилась быстро и нервно.

— Замолчи, старый пень! Страсти-то какие говоришь. — Она обвела взглядом кухню: поваренок, садовник, Элино́р с тряпкой в руках. Больше никого. — Кто-то должен отнести завтрак лорду Блэквуду. Немедленно.

Поваренок вжал голову в плечи и уткнулся в свою картошку с удвоенным рвением. Садовник закашлялся и принялся развязывать мешок с углем, хотя угля в ящике было полно. Миссис Оглторп нахмурилась еще сильнее. Ее взгляд метался по кухне в поисках жертвы и наткнулся на Элино́р.

Та стояла у плиты, сжимая в руках мокрую тряпку, но в ее глазах, огромных, серых, как море перед бурей, не было страха. Было что-то другое. Рассеянность человека, который видит нечто, не доступное другим.

— Элли! — голос поварихи прозвучал резко. — Ты. Собери поднос.

Элино́р вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Миссис Оглторп?

— Собери поднос для хозяина, я сказала. Дженкинс слегла, ты девушка здоровая, ноги есть. Отнесешь завтрак в восточное крыло.

Элино́р почувствовала, как холодок пробежал по спине, оставляя за собой дорожку мурашек. Восточное крыло. Там, за той дверью, о которой все говорят шепотом.

— Слушаюсь, миссис Оглторп, — ее голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри все сжалось в тугую пружину.

Повариха подвела ее к разделочному столу, где уже стоял готовый завтрак. Элино́р взяла в руки тяжелый серебряный поднос с гравировкой в виде переплетенных листьев плюща и принялась наполнять его с особой тщательностью, пони-

мая, что это блюдо предназначено для хозяина поместья.

Сначала на поднос отправилась тарелка тонкого костяного фарфора с позолоченным ободком — в нее миссис Оглторп собственноручно переложила дымящуюся овсянку, сваренную на сливках, щедро полив ее растопленным маслом и посыпав корицей. Рядом с тарелкой Элинор поставила серебряную сахарницу с колотым сахаром и маленький кувшинчик с густыми сливками. Отдельно на поднос лег ломоть пшеничного хлеба, еще теплого, только что из печи, завернутый в льняную салфетку, чтобы не остыл. В фарфоровую масленку, изображающую пасторальную сцену с пастушками, положила комок свежесбитого масла, украшенного веточкой мяты. Рядом с хлебом водрузила серебряную вазочку с домашним малиновым вареньем и маленький изящный молочник. Завершал композицию крошечный букетик полевых цветов в хрустальной рюмке — миссис Оглторп всегда считала, что джентльмену важно подавать еду красиво, даже если он ест в одиночестве.

— Для него — все самое лучшее, — пробормотала повариха, критически оглядывая поднос. — Ступай.

Миссис Оглторп проводила ее до лестницы, инструктируя скороговоркой:

— В восточном крыле не задерживайся. Иди прямо по ко-

ридору до конца. Там будет дверь. Рядом с дверью — тумба. Изящная такая, на одной ножке, резная. На нее поднос и поставишь. В дверь не стучи, не смей. И ради всего святого, Элли, если услышишь шум или еще чего — беги. Не думай, беги со всех ног. И в замочную скважину не вздумай заглядывать, поняла? Ни за что! Слышала, что с Дженкинс стало?

Элино́р кивнула, чувствуя, как предательски дрожат руки под тяжестью серебра и фарфора.

Она вышла в коридор и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Сердце колотилось где-то в горле, но ноги несли ее вперед, словно повинаясь чужой воле.

Она миновала портьеру из черного бархата — и мир изменился.

Коридор восточного крыла встретил ее гулкой тишиной. Здесь было сумрачно — свет просачивался сквозь узкие бойницы, прорубленные в стенах толщиной в несколько футов, но казался не живым, солнечным, а мертвенно-серым, словно пропущенным сквозь толщу воды. Воздух давил на барабанные перепонки, заставляя глотать чаще, чтобы избавиться от неприятного чувства заложенности.

Элино́р шла, стараясь ступать как можно тише, боясь на-

рушить этот звенящий покой. Поднос в ее руках дрожал в такт сердцу. И чем дальше она углублялась, тем более странными становились ощущения. Волосы у нее на затылке встали дыбом, по коже как будто побежали электрические разряды. В воздухе пахло не сыростью и плесенью, как следовало ожидать в давно необитаемом крыле. Пахло озоном — тем самым резким, свежим запахом, который остается после сильной грозы, когда молния ударяет где-то совсем рядом.

В конце коридора высилась дверь. Дубовая, окованная почерневшим железом, с маленьким окошечком, забранном решеткой, на уровне глаз. Ручки не было — только массивная железная щеколда с наружной стороны. Элино́р невольно представила, как Дженкинс прильнула к этой решетке, пытаясь разглядеть то, что видеть не следовало, — и по спине пробежал холодок. А рядом с дверью, как и говорила миссис Оглторп, стояла тумба. Изящная, на одной резной ножке, с инкрустацией из перламутра. Станный предмет для такого мрачного места — словно осколок другой, более светлой жизни.

Элино́р перевела дух. Осталось сделать всего несколько шагов. Поставить поднос и бежать обратно.

И в тот момент, когда она приблизилась к тумбе, за дверью раздался звук.

Это был не вой, не стон и не проклятие. Это был смех. Низкий, горький, он поднимался из самой глубины души и вырывался наружу, полный такой нечеловеческой, вселенской муки, что у Элинора защипало в глазах. В этом смехе слышалось безумие, отчаяние и что-то еще, чему она не могла подобрать названия. Ей показалось, что сам воздух вокруг нее содрогнулся от этого звука.

А в следующее мгновение порыв ледяного могильного ветра ударил ей прямо в грудь. Элинор отшатнулась и вскрикнула. Поднос с грохотом полетел на каменный пол. Тарелка из костяного фарфора разлетелась вдребезги, овсянка со сливками белой кляксой расплылась по древним плитам.

— Нет! — выдохнула Элинор в ужасе. — Завтрак пропал. Миссис Оглторп убьет меня, вычтет из жалованья, выгонит на улицу без рекомендаций!

Она упала на колени и принялась лихорадочно собирать осколки. Пальцы дрожали, не слушались. Острый край фарфора полоснул по подушечке указательного пальца — глубоко, до самой кости. Боль была резкой, мгновенной. Элинор ахнула и отдернула руку, глядя, как из пореза выступает алая, яркая капля крови. Тяжелая, она сорвалась с пальца и

упала на серый камень. Капля растеклась темным, влажным пятном, впиталась в пористую поверхность, оставив после себя лишь чуть более темный, влажный след, который тут же начал исчезать, словно камень пил ее кровь.

Смех за дверью оборвался.

Мгновенно. Словно его отрезали ножом. Воцарилась мертвая, абсолютная тишина. Такая, что у Элинор заложило уши, и она слышала не только гул собственной крови, но и едва уловимый скрип половиц за дверью.

Девушка застыла на коленях, в луже молока и варенья, сжимая в руке окровавленный осколок фарфора. В голове билась одна мысль: «Беги! Миссис Оглторп велела бежать!» Но тело не слушалось. Ноги словно приросли к каменному полу. Она не могла даже вздохнуть, не могла отвести взгляда от двери, за которой с каждым ударом сердца звук шагов становился все ближе, все громче, все страшнее.

Шаги стихли прямо за дверью.

Элинор чувствовала его присутствие физически — сквозь толстую дубовую преграду ощущала жар его тела, тяжесть его дыхания, саму его сущность, наполняющую воздух вокруг нее электричеством и чем-то древним, темным, пугаю-

щим. Тишина длилась вечность — одну, две, три секунды, которые показались годами.

Щеколда на двери с лязгом отскочила.

ГЛАВА 3. ГЛАЗА ЦВЕТА РАСПЛАВЛЕННОЙ ЛАЗУРИ

Элинор замерла на коленях в луже молока и варенья, сжимаемая в руке окровавленный осколок фарфора. Кровь стучала в висках так громко, что казалось, этот гул слышен во всем восточном крыле. Она не могла пошевелиться, не могла вздохнуть. Только смотрела, как тяжелая дубовая дверь медленно, со скрипом отворается внутрь.

Свет из комнаты ударил в коридор — живой, теплый, золотистый. В проеме выросла фигура. Высокая, широкая в плечах, она заслонила собой свет, превратившись в темный силуэт с огненным ореолом вокруг головы.

Элинор ожидала увидеть чудовище.

Она готовилась к худшему — к сгорбленному старику с безумными глазами, к уродливому созданию, чей вид мог довести Дженкинс до нервной горячки. Она сжималась внутри, готовясь закричать, зажмуриться, потерять сознание от ужаса.

Он шагнул вперед, выходя на свет, — и мир перевернулся.

Лорд Себастьян Блэквуд оказался самым красивым мужчиной, которого Элинор когда-либо видела в своей жизни. Красивее, чем джентльмены на гравюрах в старых книгах, которые иногда приносила миссис Крамп. Красивее, чем статуи в церкви. Красивее, чем могло бы быть любое человеческое создание.

Высокий — даже слишком высокий, под два метра, с широкими плечами, которые едва не касались дверного косяка. Одет он был просто, даже слишком просто для лорда. Белая льняная рубашка с широкими рукавами, расстегнутая на груди, открывала полоску смуглой кожи и начало жестких темных волос, курчавящихся на груди. Черные брюки из плотной ткани были заправлены в невысокие сапоги из мягкой кожи.

Черные, как вороново крыло, волосы падали на плечи тяжелыми, чуть выющимися прядями, небрежно перехваченными у затылка простым кожаным шнурком. Лицо — бледное, осунувшееся, словно он не спал много ночей подряд, с резкими, словно высеченными из мрамора скулами и четкой линией челюсти. Чувственные губы — полные, но сжатые в жесткую линию. Прямой нос с тонкой горбинкой. Темные, густые брови.

И глаза.

Элино́р никогда не ви́дела таких глаз. Они были синими — нет, не просто синими. Они были такого яркого, пронзительного, электрического синего цвета, что у нее перехватило дыхание. В них мерцал внутренний свет, пульсирующий, живой, словно там, внутри, горел вечный огонь. Когда его взгляд упал на нее, Элино́р почувствовала, как этот огонь коснулся ее кожи, проник под нее, зажег что-то глубоко внутри.

Взгляд его — этот горящий, нечеловеческий взгляд — упал сначала на разбитую еду. На осколки фарфора, разлитое молоко, растекшееся варенье, рассыпанный сахар. На то, что должно было стать его завтраком и превратилось в грязную лужу на древних плитах.

А потом он посмотрел на нее.

Элино́р сидела на коленях в этой луже, перепачканная кашей, молоком и вареньем, с трясущимися руками, с растрепавшимися волосами, выбившимися из-под чепца. Она чувствовала себя жалкой, ничтожной, грязной — и под этим взглядом, прожигающим насквозь, ей хотелось провалиться сквозь каменный пол.

— Ты кто такая? — спросил он.

Голос оказался низким, глубоким, с хрипотцой, от которой по спине Элинор побежали мурашки, а внизу живота странно сжалось, заняло сладкой, пульсирующей болью. Этот голос она слышала во сне. Она не помнила слов, но помнила вибрацию, тембр, то, как он отзывался в каждой клеточке ее тела.

— Где прежняя служанка? — добавил он, и в голосе мелькнуло раздражение.

Элинор открыла рот, но звук не шел. Она сглотнула, облизала пересохшие губы и заговорила — затараторила, захлебываясь словами, как провинившийся ребенок:

— Я... я... Элли, сэр. Кухонная прислуга. Дженкинс... заболела, сэр. Горячка у нее, бредит, миссис Оглторп сказала, я сейчас все уберу, я мигом, я все соберу и принесу новый завтрак, только разрешите, я сейчас, я мигом...

Она засуетилась, пытаясь встать и одновременно собрать осколки. Руки дрожали так сильно, что осколки выскальзывали, падали обратно в лужу, звякали о камень. Колено скользнуло по мокрому полу, и она чуть не упала лицом вниз, в эту грязную жижу.

— Оставь, — приказал он.

Приказ прозвучал жестко, но в нем не было злости — только непререкаемая власть, которой невозможно ослушаться. Элинон замерла, замерев в полусидячем положении, не смея пошевелиться.

Он сделал шаг вперед.

И она почувствовала жар.

Невероятный жар исходил от его тела — плотный, осязаемый, почти физический. Он приближался, и воздух между ними словно нагревался, становился тягучим, как мед. В коридоре было холодно — Элинон дрожала от этого холода всем телом, но жар, идущий от него, пробирал до костей, заставлял пот выступать на лбу, хотя до него оставалось еще не меньше трех шагов.

Он словно живой костер.

Себастьян сделал еще шаг — и оказался прямо над ней. Так близко, что Элинон видела каждую деталь его лица: тонкую сеточку морщин у глаз, легкую небритость на щеках и подбородке, пульсирующую жилку на виске. От него пахло дымом и озоном — тем же, чем пахло в коридоре, только сильнее, концентрированнее. И еще чем-то — сандалом? му-

скусом? — от чего кружилась голова и подгибались ноги, хотя она уже стояла на коленях.

Его глаза расширились. Ноздри раздулись, будто он принюхивался, будто чуял что-то, не доступное обычному человеческому обонянию. Взгляд заметался по ее лицу, по шее, по груди, вздымающейся под грязным передником, и в этом взгляде было что-то первобытное, хищное.

А потом он резко, собственническим жестом, схватил ее за руку.

Элинор вскрикнула — не от боли, от неожиданности. Его пальцы были горячими, обжигаяще горячими, как угли, как раскаленное железо. Он сжал ее запястье — тонкое, хрупкое, — и поднес к своему лицу.

Его взгляд упал на порез. На указательном пальце, прямо на подушечке, алела кровь — свежая, еще не запекшаяся, сочащаяся из неглубокой ранки.

Большим пальцем другой руки он провел по порезу. Медленно, чувственно, стирая выступившую каплю. Он поднес палец к лицу — близко-близко, почти касаясь. Втянул воздух носом, принюхиваясь к ее крови. И в его глазах, в этой расплавленной лазури, вспыхнуло алое. Настоящее пламя —

Элино́р ви́дела это, не могла не видеть. Красные сполохи за-танцевали в синеве, делая его взгляд нечеловеческим, демоническим.

— Твоя кровь, — выдохнул он, и в этом выдохе было столько голода, столько древней, темной жажды, что у Элино́р кровь застыла в жилах. — Что ты такое?

Голос сел, охрип окончательно. Он смотрел на нее так, словно видел нечто невозможное, нечто, чего не могло существовать. И в этом взгляде было что-то еще — узнавание? Или ей показалось?

Элино́р открыла рот, чтобы ответить, чтобы сказать, что она просто служанка, просто Элли, просто никто, но слова застряли в горле.

Потому что в тот же миг между ними что-то произошло.

Искра.

Маленькая, голубая, электрическая молния проскочила от ее пораненного пальца прямо в его ладонь. Элино́р уви-дела ее — тонкую голубую нить, вспыхнувшую на долю секунды между их кожей. Услышала тихий треск, похожий на потрескивание углей в камине.

Элинор смотрела на Себастьяна в леденящем ужасе и в жгучем, запретном любопытстве. Она чувствовала эту искру — та прошла через все ее тело, ударила прямо в низ живота, заставив мышцы сократиться в сладкой судороге. Она чувствовала его — чувствовала его запах, его жар, его дыхание. Словно между ними натянулась невидимая нить, пульсирующая, живая.

Себастьян вздрогнул всем телом. А потом резко отшвырнул ее руку будто обжегся. Будто прикосновение к ней причиняло физическую боль. Элинор едва снова не упала — потеряла равновесие, оперлась ладонями о мокрый пол, замарав их в молоке и варенье. Подняла голову и посмотрела на него снизу вверх.

Он стоял над ней, тяжело дыша. Грудь вздымалась под расстегнутой рубашкой, ноздри раздувались, в глазах бушевало пламя. Шок. Ярость. И что-то еще, от чего у Элинор перехватило дыхание и сердце пропустило удар.

Жадный, голодный блеск.

Так смотрят на добычу. На то, чего хотят до боли, до скрежета зубовного, до потери рассудка. Так мужчина смотрит на женщину, которую хочет.

В коридоре воцарилась тишина. Тяжелая, пульсирующая, наполненная их дыханием, запахом озона и чем-то еще — темным, древним, неизбежным.

Они смотрели друг на друга и мир вокруг перестал существовать.

ГЛАВА 4. ВКУС ЗАПРЕТА

Элинор бежала по коридору, не чувствуя ног.

Каменные плиты мелькали под стоптанными башмаками, холодный воздух рвал легкие, но она не останавливалась. Она бежала от него, бежала от того, что случилось, от этой искры, от этого взгляда, который жег сильнее любого пламени. В ушах стучала кровь — глухо, тяжело, как те самые шаги за дубовой дверью. Перед глазами все плыло, расплывалось серыми пятнами, и только одно оставалось четким, выжженным на сетчатке: его лицо в тот момент, когда голубая молния ударила между ними.

Она влетела в кухню, едва не сбив с ног поваренка, который тащил ведро с водой. Дверной косяк больно врезался в плечо, но она не почувствовала боли — только хваталась за дерево побелевшими пальцами, пытаясь отдышаться.

Миссис Оглторп подняла голову от кастрюль, которые с грохотом передвигала по плите. Ее кухонный нож на мгновение замер в воздухе.

— Жива? — спросила она коротко, окинув Элинор цепким взглядом. — Ну и славно. А то Дженкинс вон разболе-

лась не к добру. — Она кивнула в сторону лестницы. — Иди умойся, на себя не похожа. Бледная как смерть. Напугалась?

Элино́р кивнула — дернула головой, не в силах вымолвить ни слова. Язык прилип к небу, во рту пересохло, словно она пробежала не коридор, а целую милю по пустыне.

— Поднос... — выдохнула она наконец. — Я уронила поднос. Завтрак... все разбилось... молоко, варенье, тарелка... я не специально, там ветер, откуда-то ветер...

Миссис Оглторп всплеснула руками:

— Ветер? Какой еще ветер? Господь с тобой, Элли! — Она покачала головой, но почему-то не стала ругаться дальше. — Ладно, ладно, успокойся. Сейчас пошлю поваренка, пусть принесет поднос и уберет, пока миссис Крамп не вернулась. А ты сиди тут, не ходи больше туда сегодня.

Элино́р подошла к ведру с водой, стоящему в углу. Медленно, словно во сне, наклонилась над мутной поверхностью.

Из воды на нее смотрело обычное лицо. Бледное — слишком бледное, с синими кругами под глазами, которые стали еще заметнее. Чепчик съехал набок, пряди волос выбились и прилипли к вискам. Испуганные глаза — серые, огромные,

с расширенными до черноты зрачками.

Обычная служанка. Ничего особенного.

Но когда она опустила взгляд ниже, к своему запястью, сердце пропустило удар.

Там, где его пальцы сжимали ее кожу, горела ярко-алая полоса. Тонкая, четкая, она опоясывала запястье, словно браслет. Кожа вокруг покраснела, припухла, будто от ожога. Полоса как будто пульсировала, отдаваясь глубоко внутри сладкой, тянущей болью.

След от его пальцев. Слово он оставил на ней свою метку.

Элинон прикоснулась к красной полосе кончиками пальцев другой руки — и вздрогнула. Кожа горела. Будто под ней до сих пор тлел тот жар, что исходил от его тела.

Искра. Она не могла забыть эту искру. Голубая молния, вспыхнувшая между ними. Она видела это своими глазами. Это не могло ей померещиться. Но что это было? Магия? Колдовство? Или просто странное совпадение — статическое электричество, о котором говорил старый садовник, объясняя, почему волосы иногда встают дыбом в сухую погоду?

Она хотела спросить у миссис Оглторп. Хотела спросить у поваренка, не замечал ли он чего-то странного в восточном крыле. Но язык не поворачивался. Слишком странно это звучало, слишком опасно. Примут еще за сумасшедшую. Лучше промолчать. Пока что.

— Элли! — окликнула миссис Оглторп. — Ты там уснула, что ли? Иди переодевайся, пока Крамп не вернулась, а то задаст.

Элино́р вздрогнула, поспешно закатала рукав платья, пряча след, и кивнула. Поднялась в свою каморку на дрожащих ногах, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, глядя в темноту.

Он снился ей семь ночей подряд. А теперь она видела его наяву. И он был реальнее, чем любой сон. Реальнее, чем ее собственное отражение в мутной воде.

Ночью она не могла уснуть.

Тюфяк был жестким, солома давно слежалась и кололась сквозь тонкое одеяло. Луна светила в крошечное окошко,

бросая бледную полосу на дощатый пол. В доме было тихо — только где-то далеко скрипели половицы да ухал филин в парке.

Элинон лежала на спине, глядя в потолок, и водила пальцем по красной полосе на запястье. Круг за кругом, круг за кругом, словно пытаясь стереть, загладить, успокоить это странное пульсирующее ощущение.

Перед глазами стояло его лицо.

Она видела его так ясно, будто он все еще стоял перед ней — высокий, широкоплечий, с этой гривой черных волос и глазами, горящими расплавленной лазурью. Бледное лицо, резкие скулы, чувственные губы, сжатые в жесткую линию. Та напряженная жилка на шее, когда он смотрел на нее — билась, пульсировала, выдавая его волнение. Расстегнутая рубашка, открывающая смуглую кожу груди и жесткие темные волосы, курчавящиеся на ней. Запах дыма и озона, который, казалось, вьелся в ее одежду, в ее волосы, в ее кожу.

И его глаза. Эти глаза.

Когда он смотрел на нее — в них было что-то такое, от чего внутри все переворачивалось. Она никогда не испытывала ничего подобного.

Элино́р за́жмурилась и закусилá кóстяшки пàльцев, пýтáясь прóгнать эти мы́сли. Грешные мы́сли. Непотребные мы́сли для честной де́вушки. И опасные мы́сли — мы́сли о ма́гии, о колдовстве, о том, чего не должно существовать в этом мире.

Но перед глазами снова вставало его лицо. Его губы. Этот стон, сорвавшийся с его губ, когда искра ударила между ними. Этот звук — низкий, рваный, полный такого наслаждения, от которого у нее подкосились колени даже сейчас, в воспоминаниях.

Утро пришло слишком быстро.

Элино́р спустилась в кухню с головной болью и мешками под глазами, но едва она взялась за тряпку, как в дверях появилась миссис Крамп.

Экономка только что вернулась из города — еще в дорожном плаще, с корзинкой в руках, но лицо у нее было непривычно серьезное. Она сняла плащ, повесила на крючок и подошла к Элино́р вплотную.

— Элли, — сказала она негромко, чтобы не слышали дру-

гие. — Пойдем-ка со мной.

Сердце Элинон оборвалось и рухнуло куда-то в пятки. Она послушно поставила тряпку и пошла за экономкой в маленькую кладовую, где хранились крупы и сушеные травы.

Миссис Крамп закрыла дверь и повернулась к ней. Лицо ее было непроницаемо — та самая маска, за которой она прятала свои настоящие чувства. Но в глазах мелькнуло что-то странное. Будто она знала больше, чем говорила. Будто она видела то, чего не должна была видеть, и это знание тяготило ее.

— Лорд Блэквуд приказал, — сказала она ровным голосом, но в этом голосе Элинон почудилась неохота, с которой экономка произносила эти слова. — Чтобы ужин ему принесла ты. Отныне это твоя обязанность.

Элинон показалось, что пол уходит у нее из-под ног.

— Что? — выдохнула она, хватаясь рукой за полку с мешками. — Но... миссис Крамп... я... я не могу...

— Дженкинс болеет, — перебила экономка, и в ее голосе прозвучало раздражение — но не на Элинон, а на ситуацию в целом. — И еще неизвестно, когда поправится. А кому-то

носить еду нужно. Лорд Блэквуд выразил желание, чтобы это делала ты.

— Но почему? — вырвалось у Элиноর отчаянно. — Почему я? Я же просто... я вчера уронила поднос, все разбилось... миссис Оглторп посылала поваренка убирать... я не гожусь для такого...

Миссис Крамп отвела взгляд. Она смотрела куда-то в сторону, на мешки с мукой, на пучки трав, на что угодно, только не на Элинор.

— Это не обсуждается, — отрезала она, но голос прозвучал глухо, без обычной твердости. Она помолчала, будто раздумывая, не сказать ли чего еще. Ее руки теребили край передника — жест, которого Элинор никогда раньше не замечала за суровой экономкой.

— Миссис Крамп... — начала Элинор. — Вы что-то знаете? Про восточное крыло? Про него?

Экономка вздрогнула и резко подняла голову. В ее глазах мелькнул страх — самый настоящий, живой страх, который она пыталась спрятать за маской суровости.

— Ничего я не знаю, — сказала она слишком быстро. —

И тебе знать не положено. Ступай. Вечером понесешь ужин.

Она уже взялась за ручку двери, но остановилась. Оглянулась на Элинора — и в ее взгляде вдруг мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Смотри там... — начала она и осеклась. Губы ее сжались в тонкую линию, будто она боролась с желанием сказать что-то важное. — Будь осторожна, Элли. Очень осторожна. И если что... если почувствуешь, что что-то не так... — Она не договорила, только махнула рукой и вышла, оставив Элинора одну среди мешков с крупой и пучков сушеной мяты, пахнущей летом и покоем — всем тем, чего у нее больше никогда не будет.

Весь день прошел как в тумане.

Элинора чистила картошку, и нож то и дело соскальзывал, норовя порезать пальцы. Она мешала суп в огромной кастрюле и чуть не опрокинула его на плиту. Она вытирала посуду и трижды уронила одну и ту же тарелку, чудом успев поймать ее у самого пола.

— Да что с тобой сегодня?! — ворчала миссис Оглторп,

подозрительно косясь на нее. — Ни на что не годна! Словно не спала всю ночь. Уж не захворала ли ты, как Дженкинс?

— Нет, миссис Оглторп, — отвечала Элино́р механически. — Я просто... задумалась.

— Задумалась она, — фыркала повариха.

Элино́р опускала голову и снова проваливалась в туман.

Перед глазами стояло одно и то же. Его лицо. Его глаза. Его голос.

Искра. Она то и дело украдкой смотрела на свое запястье. Красная полоса не проходила — она стала только ярче, словно налилась кровью. Элино́р прятала ее под рукавом, боясь, что кто-то заметит, спросит, начнет догадываться.

Но догадываться о чем? Она и сама не знала.

Она хотела спросить у миссис Крамп про лорда Блэквуда. Хотела спросить, не замечала ли та чего-то странного, не слышала ли историй о магии, о колдовстве, о том, что творится в восточном крыле. Но экономка явно знала больше, чем говорила, и так же явно не собиралась делиться этими знаниями. Страх в ее глазах сказал Элино́р больше, чем лю-

бые слова.

Придется молчать. И разбираться самой.

Мысли путались, натыкались друг на друга, рождали вопросы, на которые не было ответов.

Наступил вечер.

Миссис Оглторп собрала ужин на поднос — еще изысканнее, чем завтрак. Фарфоровая тарелка с жареным цыпленком, политым соусом. Овощи, тушеные в сливках. Маленькая хрустальная вазочка с желе, дрожащим и прозрачным, как рубин. Свежий хлеб в льняной салфетке. Серебряный кувшин с красным вином и тонкий бокал на длинной ножке.

— Ступай, — сказала миссис Оглторп, вытирая руки о передник. — Да смотри не урони опять. Такого ужина и сам король не каждый день видит.

Элинор взяла поднос. Руки были влажными, скользкими от пота. Сердце колотилось так, что, казалось, поднос вибрирует в такт ударам.

Она вышла в коридор. Поднялась по лестнице. Миновала портьеру из черного бархата.

Коридор восточного крыла встретил ее той же гулкой тишиной, тем же давящим воздухом, тем же запахом озона. Только теперь она знала, что ждет ее в конце. И от этого знания подкашивались колени и перехватывало дыхание.

Шаг. Еще шаг. Еще.

Она шла, считая удары сердца. Десять. Двадцать. Тридцать. Сорок.

Дверь.

Тумба рядом с ней — все та же, изящная, с перламутром.

Элинор поставила поднос на тумбу. Руки дрожали так сильно, что фарфор звякнул о дерево, и она замерла в ужасе, что снова все разобьет.

Но поднос устоял.

За дверью было тихо. Абсолютно, мертво тихо. Может быть, его нет? Может быть, он спит?

Она повернулась, чтобы уйти.

И тут за спиной скрипнула дверь.

Элинор замерла, не в силах пошевелиться. Слышала, как медленно, со скрипом отворяется тяжелая дубовая створка. Чувствовала спиной, как из комнаты льется теплый, золотистый свет. И запах — дым, сандал, озон — ударил в ноздри, заставив голову закружиться.

— Зайди. — донесся его голос. Низкий, напряженный, с той самой хрипотцой, от которой по спине бежали мурашки, а внизу живота все сжималось в тугую, пульсирующий узел

Зайти? Туда? Туда, куда никому нельзя? Туда, где Дженкинс увидела что-то, отчего до сих пор бредит и мечется в горячке? Туда, где живет он — тот самый, кто снился ей семь ночей подряд, кто прожигал насквозь ее своим взглядом, кто пил ее кровь глазами, словно вампир из старых легенд?

Она слышала, как он дышит. Тяжело, неровно, прерывисто. Будто он тоже боролся с собой. Будто каждое слово давалось ему с трудом. Эли обернулась. И в этой темноте, за щелью двери, она видела только одно.

Его глаза.

Синие, горящие расплавленной лазурью, они смотрели на нее неотрывно. Не мигая. Прожигая насквозь. В этом взгля-

де не было просьбы. В этом взгляде был приказ. Приказ, которому невозможно ослушаться, даже если разум кричит: «Беги!»

Чего он хотел от нее?

И почему ее тело слушалось его быстрее, чем разум? Почему ноги уже поворачивались к двери сами собой? Почему рука уже тянулась приоткрыть створку шире?

Почему, когда он сказал «Зайди», она не почувствовала страха — только жаркую, пульсирующую волну желания, захлестнувшую с головой?

ГЛАВА 5. ПЛЕННИК В СОБСТВЕННОЙ КЛЕТКЕ

Дверь тяжело закрылась за ее спиной, отрезая путь к отступлению.

Элинора стояла на пороге комнаты, и первое, что она почувствовала — жар. Сухой, плотный, он обрушился на нее, как удар, заставив мгновенно вспотеть. Здесь было жарко, как в пекарне, хотя в камине едва тлели дрова.

Она сделала шаг внутрь и огляделась.

Комната оказалась огромной — хозяйская спальня, судя по размерам и остаткам былой роскоши. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке. Тяжелые бархатные портьеры бордового цвета были наглухо задернуты на окнах, не пропуская ни лучика света. Мебель, некогда изящная и дорогая, была сдвинута с мест, словно в приступе ярости кто-то швырял ее о стены. Резной дубовый шкаф стоял под углом, будто его толкнули и не удосужились поправить. Кресла с высокой спинкой валялись на боку. На стенах, там, где когда-то висели картины, остались темные прямоугольники, а кое-где виднелись следы копоти — будто здесь бушевал пожар, который чудом не уничтожил все.

В центре комнаты возвышалась массивная кровать под балдахином. Тяжелые шелковые шторы были наполовину

сорваны и свисали лохмотьями. Простыни — дорогие, тонкие, когда-то белые — были сбиты в ком, смяты и перекручены, словно на них боролись, метались в кошмарах или... Элино́р отвела взгляд, чувствуя, как краска заливает щеки.

И посреди всего этого хаоса стоял он.

Себастьян Блэквуд стоял у камина, опершись рукой о мраморную полку. Огонь в камине почти погас — только пара углей тлела, рассыпая красные искры, но жар, исходивший от него, был сильнее любого пламени. Он был в той же белой льняной рубашке, что и утром, но теперь она была растегнута еще сильнее — почти до пояса, открывая взгляду широкую смуглую грудь, поросшую жесткими темными волосами, плоский живот с выступающими мышцами и край страшного шрама, что уходил вниз, к ремню черных брюк, скрываясь под тканью.

Элино́р заставила себя смотреть в пол. Пол был каменный, холодный, но босые ступни Себастьяна, казалось, не замечали этого. Он стоял на камне, как на теплом полу, и даже не вздрагивал.

— Ближе, — приказал он.

Голос низкий, с хрипотцой, от которого по спине побежали мурашки. Элино́р сделала шаг. Потом еще один. Остановилась в трех футах от него, чувствуя, как жар его тела обжигает кожу даже на таком расстоянии.

Он был огромен рядом с ней. Элино́р всегда считала себя среднего роста, но рядом с ним чувствовала себя карли-

цей — маленькой, хрупкой, беззащитной. Ее макушка едва доставала до его плеча. Широкие плечи, казалось, занимали половину комнаты. И от него исходил жар — сухой, обжигающий, пробирающий до костей. Пахло дымом, мужским телом и чем-то острым, терпким, от чего кружилась голова.

— Подними голову.

Она подняла.

И встретила с ним взглядом.

В полумраке комнаты его глаза казались почти черными — бездонными провалами, в которых таилась тьма. Но в самой глубине, где-то в зрачках, мерцала синева — электрическая, живая, пульсирующая в такт его дыханию. Он смотрел на нее неотрывно, изучающе, будто видел впервые.

— Ты чувствуешь это? — спросил он тихо. Голос звучал напряженно, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Тот холод, что идет от тебя?

Элинора растерялась.

— Холод, милорд? — переспросила она, не понимая. — Мне кажется, здесь очень жарко.

Он криво усмехнулся.

Этот смех. Тот самый, горький, полный тоски, что она слышала в первый раз, стоя за дверью. Только теперь она видела его лицо — искаженное этой усмешкой, прекрасное и страшное одновременно.

— Это я горю, — сказал он, и в голосе появилась горечь. — Каждый день, каждый час, каждую минуту. Огонь течет в

моих жилах вместо крови. Он пожирает меня изнутри, и нет от него спасения. — Он помолчал, глядя на нее. — Но когда ты рядом... когда ты вошла в эту комнату... боль отступила. Впервые за пять лет. — Он сделал шаг к ней. — Кто ты?

Элинор попятилась, но уперлась спиной в дверной косяк. Холодное дерево врезалось в лопатки, но она едва чувствовала его — только жар, исходящий от него, приближающийся, обволакивающий.

— Я не знаю, милорд, — выдохнула она, глядя на него снизу вверх. — Я сирота, из приюта. Меня подобрали на улице, когда я была совсем маленькой. Я не знаю, кто мои родители. Я ничего не знаю.

— Сирота, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Из приюта. — В его голосе не было презрения, только задумчивость. — И ты не чувствуешь холода, когда я рядом? Никогда?

— Нет, милорд. Мне всегда жарко возле вас. Очень жарко. Он сделал еще шаг. Теперь между ними не было расстояния — только жар, пульсирующий, живой. Он навис над ней, огромный, темный, и Элинор чувствовала, как воздух между ними вибрирует, наполняется электричеством. Волосы на ее затылке снова встали дыбом, по коже побежали мурашки — но не от холода, от предвкушения.

Его рука медленно поднялась. Пальцы — длинные, сильные, с обожженной кожей на подушечках — потянулись к ее лицу.

Элинор зажмурилась, когда они коснулись ее щеки.

Горячие. Обжигающе горячие. Но не больно — только жарко, сладко, до дрожи в коленях. Он гладил ее скулу, линию челюсти, уголок губ, и каждое прикосновение отдавалось пульсацией внизу живота. Его пальцы пахли дымом и чем-то еще — мускусом, сандалом, им самим.

— Ты боишься меня, Элли? — спросил он тихо.

— Д-да, милорд, — выдохнула она. Губы пересохли, язык едва ворочался.

— И правильно делаешь. — В его голосе появилась жесткость.

Он наклонился.

Элинор чувствовала его дыхание на своем виске — жаркое, прерывистое, неровное. Он был так близко, что она слышала биение его сердца — тяжелое, гулкое, слишком быстрое для обычного человека. Она зажмурилась. Ее трясло — мелкой, противной дрожью, которую она не могла контролировать.

— Если ты когда-нибудь кому-нибудь расскажешь о том, что происходит здесь, — шепнул он, и в его голосе появились металлические нотки, холодные, как лезвие ножа, — я сожгу тебя дотла. Не здесь, так во сне. Поняла?

Элинор судорожно кивнула, прижимаясь затылком к косяку. Она не могла вымолвить ни слова — только кивала, как заводная кукла, чувствуя, как слезы выступают на глазах от страха и от этого жара, от его близости, от всего сразу.

Он отстранился.

Жар отступил, и Элино́р почувствовала холод — впервые за все время, что была в этой комнате. Она открыла глаза.

Себастьян стоял в двух шагах от нее, тяжело дыша. Рубашка на груди вздымалась, глаза горели синим пламенем, на лбу выступила испарина. Он смотрел на нее так, словно боролся с собой — и борьба эта была мучительной.

— Убирайся, — сказал он хрипло. — Завтра придешь снова.

Элино́р не заставила себя ждать.

Она выскочила за дверь, едва не споткнувшись о порог, и побежала по коридору, не разбирая дороги. Каменные плиты мелькали под ногами, темнота сгущалась вокруг, но она бежала, бежала, пока не влетела в свою каморку и не захлопнула за собой дверь.

Она прислонилась к двери спиной и сползла по ней на пол, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, грозя выскочить наружу. В ушах шумела кровь. Перед глазами все плыло.

Только в своей каморке, в темноте и тишине, она позволила себе перевести дух.

Прошло несколько минут, прежде чем она смогла подняться на ноги и подойти к осколку зеркала, что висел на стене — мутному, в трещинах, единственному ее сокровищу.

Она посмотрела на свое отражение и не узнала себя.

Глаза горели — огромные, серые, с расширенными зрач-

ками, они сияли в полумраке, как у кошки. Губы припухли, покраснелись, словно их целовали, хотя он даже не коснулся их. Щеки пылали алым румянцем. Волосы выбились из-под чепца и падали на плечи темными прядями.

Она коснулась щеки — там, где его пальцы гладили кожу.

След был горячим. Жар все еще пульсировал под кожей, отдаваясь в кончиках пальцев, и Элинор вдруг поняла, что хочет, чтобы он коснулся ее снова. Хочет этого жара, этой близости, этого страха и этого сладкого томления одновременно.

Внизу живота все еще пульсировал тот странный жар, который вспыхнул, когда он был так близко. Она сжала бедра, пытаясь унять его, но стало только хуже — острее, горячее, отчаяннее.

Она боится его. Боже, как она боится! Его глаз, его голоса, его обещания сжечь ее дотла. Она видела, что он способен на это. В его взгляде была такая тьма, такая бездна, что у нее кровь стыла в жилах.

Но она хочет вернуться.

Боже, как она хочет вернуться.

ГЛАВА 6. НОЧНЫЕ КОШМАРЫ И ПРОБУЖДЕНИЕ ПЛОТИ

Теперь каждый вечер, когда часы в холле били семь, Элинор брала тяжелый серебряный поднос и шла в восточное крыло. Каждый вечер ее сердце колотилось где-то в горле, когда она проходила мимо портьеры из черного бархата, ступала на каменные плиты коридора, вдыхала запах озона, становившийся с каждым разом все привычнее.

И каждый вечер дверь открывалась до того, как она успевала поставить поднос на тумбу.

— Зайди.

Это слово стало ритуалом. Она заходила — и мир сужался до размеров этой странной, полуразрушенной комнаты, до его фигуры у камина, до его голоса, низкого и хриплого, от которого по коже бежали мурашки.

Первое время она боялась даже дышать. Стояла у двери, вцепившись в поднос побелевшими пальцами, готовая выскочить в коридор при первом же резком движении. Но он не делал резких движений. Он сажал ее в кресло у камина — тяжелое, дубовое, с высокой спинкой, обитое выцветшим бархатом, — сам садился напротив и начинал задавать вопросы.

— Откуда ты родом?

— Я не знаю, милорд. Меня нашли на ступенях церкви в Эксетере.

— Сколько тебе было?

— Говорят, несколько дней. Я была завернута в старую шаль. Больше ничего.

— Кто дал тебе имя?

— Сестры в приюте. Элинон — в честь святой. А Элли — так меня прозвали.

Он слушал внимательно, не перебивая. Его глаза в свете камина казались то синими, то черными, то алыми — в зависимости от того, как падали тени. Иногда он закрывал их, откидываясь на спинку кресла и просто слушал ее голос.

— Читай, — просил он, протягивая книгу в потрепанном кожаном переплете.

И она читала. Сначала запинаясь, стесняясь своего простонародного выговора, но потом осмелела. Он никогда не поправлял, никогда не насмехался. Только слушал — и жар в камине, казалось, становился ровнее, спокойнее, когда она читала вслух стихи или старые баллады.

Между ними постоянно висело напряжение.

Элинон чувствовала его взгляды. Жадные, голодные, они скользили по ее лицу, шее, фигуре, скрытой грубым платьем служанки. Когда он думал, что она не видит, его глаза загорались тем самым алым пламенем, которое она заметила в первую встречу. Он сжимал подлокотники кресла так, что костяшки пальцев белели. Дышал глубоко, неровно, будто

боролся с собой.

Иногда он вставал и проходил мимо нее, слишком близко. Случайно — или нарочно? — его рука касалась ее плеча, и между ними проскакивали электрические искры. Маленькие, голубые, они вспыхивали на долю секунды и гасли. Он вздрагивал всем телом, она замирала, не смея дышать. Оба делали вид, что ничего не случилось.

Но красная полоса на ее запястье не проходила. Она стала только ярче — и спустилась ниже, к ладони, будто огненный браслет, который он надел на нее в тот первый день.

Однажды ночью Элинор проснулась от жара.

Он был невыносимым — сухим, плотным, обжигающим. Ей показалось, что комната объята пламенем. Она вскочила с тюфяка, хватая ртом воздух, готовая бежать, кричать, звать на помощь...

Но вокруг было темно и тихо.

Луна светила в крошечное окошко, бросая бледную полосу на дощатый пол. Ни огня, ни дыма, ни жара. Только холодный ночной воздух, от которого по коже побежали мурашки.

Сон. Это был сон.

Она опустилась обратно на тюфяк, тяжело дыша, и закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Но едва веки сомкнулись, как жар вернулся.

Только теперь она поняла: этот жар исходил не от огня. Он исходил от рук.

Чьи-то руки скользили по ее телу. Горячие, сильные, они гладили ее грудь сквозь тонкую ткань ночной сорочки, сжимали соски, отчего по телу пробежала сладкая судорога. Пальцы спускались ниже, по животу, к бедрам, гладили внутреннюю сторону бедер, заставляя ее раздвигать ноги в бессознательном приглашении.

— Нет... — прошептала она во сне, но это было не «нет». Это было «да», отчаянное, жадное, голодное.

Губы коснулись ее шеи — горячие, властные, они целовали ключицу, ямочку у горла, спускались к груди. Язык лизнул сосок, и Элинор выгнулась дугой, вцепившись руками в простыни. Она пыталась открыть глаза, пыталась увидеть того, кто делал это с ней, но веки были тяжелыми, словно налитыми свинцом.

— Кто ты? — простонала она.

Ответа не было. Только жар, только руки, только губы, только пульсация внизу живота, нарастающая, невыносимая, сладкая...

Она проснулась с криком, выгнувшись и вцепившись зубами в подушку, чтобы не разбудить весь дом.

Сидела на тюфяке, тяжело дыша, вся мокрая от пота. Ночная сорочка прилипла к телу, волосы разметались по плечам. Между ног было влажно и горячо — так горячо, что она застонала от одного только ощущения.

Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.
— Господи, — прошептала она, зажимая рот рукой. —

Что со мной?

Она подняла глаза.

В углу комнаты мелькнула тень.

Элинор замерла, не смея дышать. Сердце пропустило удар, а потом забилося с новой силой, готовое разорваться.

Там кто-то стоял.

Темный силуэт, мужской, высокий и широкоплечий. Два глаза горели в темноте. Они смотрели на нее неотрывно, и в этом взгляде было все: жадность, голод, отчаяние и что-то еще, чему она не могла подобрать названия.

Элинор моргнула.

Тень исчезла.

Она сидела, вцепившись руками в одеяло, и смотрела в пустой угол. Никого. Только лунный свет на досках и тишина.

— Померещилось, — прошептала она. — Просто померещилось.

Но она не спала до самого утра.

Утром Элинор спустилась в кухню с кругами под глазами, трясущимися руками и головной болью. Она взялась за тряпку, но пальцы не слушались, и она трижды уронила ее на пол, прежде чем смогла начать уборку.

Миссис Оглторп окинула ее цепким взглядом и нахмурилась.

— Что с тобой, девочка? — рявкнула она, уперев руки в

боки. — Синяки под глазами, руки дрожат, на себя не похожа. Уж не захворала ли ты, как Дженкинс?

— Нет, миссис Оглторп, — пробормотала Элино́р, не поднимая глаз. — Я просто... не выпалась.

— Не выпалась она, — фыркнула повариха и вдруг усмехнулась — грубо, понимающе. — Замуж тебе надо, вот что. В твоём возрасте это нормально. Кровь играет, тело требует. Нашла бы себе парня, может, и спала бы лучше.

Элино́р вспыхнула до корней волос. Краска залила щеки, шею, даже уши. Она уставилась в пол, не в силах поднять глаз.

— Мне никто не нужен, — выдавила она.

— Ага, как же, — хмыкнула миссис Оглторп. — Вон как покраснела. Ладно, дело твоё. Но если ночью не спится, днем работай лучше, а не стой столбом.

Элино́р кивнула и уткнулась в свою тряпку, пытаясь справиться с дрожью в руках и с образами, которые настойчиво лезли в голову. Руки на её теле. Губы на шее.

Она не могла думать ни о чём другом.

Вечером она пришла к Себастьяну.

Дверь открылась, как всегда, до того, как она успела поставить поднос. Она вошла, чувствуя, как жар комнаты окутывает её, проникает под кожу, заставляет сердце биться быстрее.

Себастьян стоял у окна.

Обычно он ждал ее у камина, сидя в кресле или опираясь на каминную полку. Но сегодня он был у окна — заложив руки за спину, глядя на задернутые портьеры, будто мог видеть сквозь них вечернее небо.

Он был в той же белой рубашке, черные волосы падали на плечи, в свете камина отливая синевой.

— Ты плохо спала прошлой ночью, — сказал он, не оборачиваясь.

Элино́р замерла. Поднос в ее руках дрогнул, и она торопливо поставила его на столик.

— Откуда вы знаете? — вырвалось у нее прежде, чем она успела подумать.

Он обернулся медленно, очень медленно. Взгляд его был тяжелым, темным, бездонным. В глубине глаз мерцала синева — и что-то еще, от чего у Элино́р подкосились колени.

— Я тоже не спал, — сказал он тихо. — Я чувствую тебя, Элли. Когда тебе снятся... сны.

Воздух в комнате стал плотным, как вода. Элино́р не могла пошевелиться, не могла вздохнуть. Только смотрела на него, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Сны. Он знает о ее снах.

Но как?

Себастьян медленно пошел к ней. Шаг. Еще шаг. Жар от его тела становился невыносимым, обжигающим, но она не отступала. Не могла. Ноги приросли к полу.

Он остановился вплотную. Так близко, что она чувство-

вала его дыхание на своих губах. Так близко, что видела, как алое пламя разгорается в его глазах, заливая синеву.

Его рука поднялась. Пальцы — горячие, обжигающие — коснулись ее щеки.

Но на этот раз это было не жадное, собственническое прикосновение. Он гладил ее почти нежно, кончиками пальцев, едва касаясь.

— Тебе снился огонь, — прошептал он, и его голос обжег ее губы. — И руки. Мои руки.

Элинор смотрела в его глаза и тонула в них. В синей бездне, в алом пламени, в той тьме, что таилась на дне. Она понимала все. Понимала, что это были не просто сны. Понимала, что он был там. Что он приходил к ней. Что он делал с ней это.

Она должна была возмутиться. Закричать. Убежать.

Но вместо этого ее губы сами прошептали:

— Это были вы?

Вместо ответа он наклонился к ней — медленно, давая время отстраниться, если бы она захотела. Но она не хотела. И когда его губы впервые в реальной жизни коснулись ее губ, Элинор поняла, что все сны, все видения, все ночные кошмары были только прелюдией к этому моменту.

Огонь вспыхнул между ними — не метафорический, а настоящий, живой. Голубые искры затанцевали на их коже, осыпаясь фейерверком в полумрак комнаты. Себастьян застонал, прижимая ее к себе так сильно, что она перестала

понимать, где заканчивается она и начинается он. Его язык проник в нее, требуя, дразня, обещая. Она вцепилась в его рубашку, чувствуя под пальцами жар его тела, бешеное бие-ние сердца, готового вырваться из груди.

В камине позади них дрова вспыхнули с новой силой, взметнув сноп искр в дымоход. Пламя взревело, осветив комнату золотым светом, но они не заметили этого.

Был только поцелуй. Только жар. Только они. Весь мир взорвался пламенем.

ГЛАВА 7. ВКУС ЛЮБВИ

Поцелуй длился вечность.

Элинор потеряла счет времени, потеряла ощущение реальности, потеряла себя. Остались только его губы — жгучие, требовательные, не отпускающие. Остался его язык, проникающий в ее рот, дразнящий, обещающий. Остался его жар, окутывающий ее с головы до ног, проникающий под кожу, в кровь, в самую душу.

Она таяла. Плавилась, как воск, прижимаясь к нему все теснее, забыв о страхе, забыв о том, кто она и где находится. Ее пальцы вцепились в его рубашку — единственную опору в этом море огня.

Его руки обхватили ее талию, притягивая ближе. Так близко, что она чувствовала каждое биение его сердца, каждый вздох, каждую дрожь, проходящую по его телу. Он был таким сильным, таким огромным, таким пугающе прекрасным — и в то же время таким уязвимым в эту минуту.

Она чувствовала его — всего, целиком. И не боялась. Впервые за все эти недели страх исчез, растворился в этом жаре, оставив только доверие. Между ними словно натянулась невидимая нить — тонкая, но неразрывная, связывающая их души крепче любых цепей.

Он оторвался первым.

Это было мучительно — лишиться его губ. Элинор засто-

нала в пустоту, потянулась за ним, но он держал ее за плечи, не давая приблизиться. Дышал тяжело, рвано, лбом прижимаясь к ее лбу. Их дыхание смешивалось, горячее, влажное, отчаянное.

— Этого не должно быть, — прохрипел он, и голос его сел окончательно, превратившись в низкий, вибрирующий шепот. — Ты не понимаешь. Я опасен. Во мне столько огня, что я могу испепелить тебя одним прикосновением.

— О нет, — прошептала она, глядя в его глаза, в которых бушевало алое пламя. — Ты согрел меня. Всю жизнь я будто жила в темноте, а ты стал моим солнцем.

Он зажмурился, словно ее слова причиняли боль. На шее билась жилка — тонкая, напряженная, готовая лопнуть. Кулаки сжались так, что костяшки побелели.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, Элли. Ты не знаешь, что я такое. Что во мне живет.

— Я знаю только одно, — она подняла руку и коснулась его щеки. Кожа горела под ее пальцами, но она не отдернула ладонь. — Когда ты рядом, я чувствую, что живу. По-настоящему живу. Ты снился мне задолго до того, как я увидела тебя наяву. Моя душа узнала твою раньше, задолго до нашей встречи.

Он открыл глаза и посмотрел на нее. В этом взгляде было столько боли, столько тоски, столько неверия, что у нее сжалось сердце.

— Уходи, — сказал он глухо. — Пока я могу тебя отпу-

ститъ.

Она не двигалась.

— Уходи, Элли. — В его голосе появились умоляющие нотки. — Или я не смогу остановиться.

Элино́р смотрела на него. На его губы — припухшие от поцелуя, влажные, покрасневшие. На его грудь, вздымающуюся под расстегнутой рубашкой, на темные волосы, влажные от пота. На руки, сжатые в кулаки, дрожащие от напряжения, с которым он сдерживал себя.

Она должна была уйти. Разум кричал: «Беги! Он опасен! Он не человек! Он сожжет тебя!»

Но сердце... сердце билось в унисон с его. И тело помнило его руки во сне, его губы, его жар.

— А если я не хочу, чтобы ты останавливался? — услышала она свой голос.

— Элли... — Его голос сорвался.

— Не прогоняй меня.

Она смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как слезы зацепили глаза. Не от страха. От отчаянной, всепоглощающей нежности к этому огромному, сильному, страшному мужчине, который боялся причинить ей боль.

Элино́р вскрикнула от неожиданности и вцепилась ему в шею. Он был огромным, сильным, как дикий зверь, и нес ее к кровати, не глядя под ноги, не сводя с нее глаз. Она чувствовала, как его тело дрожит от напряжения — каждый мускул, каждая жилка были натянуты до предела. Чувствовала,

как его пальцы впиваются в ее тело, оставляя синяки, которые она будет находить на себе завтра и благословлять каждый из них.

Он опустил ее на смятые простыни.

Кровать была огромной, с балдахинном, с шелковыми простынями, сбитыми в ком от его бессонных ночей. Элинор утонула в ней, маленькая, хрупкая, беззащитная. А он навис сверху, закрывая собой свет, заполняя собой весь мир.

В его глазах горел голод. Дикий, первобытный, нечеловеческий голод. И последний проблеск разума — тоненькая ниточка, которая могла порваться в любую секунду.

— Если я сделаю это, — прошептал он, и голос его звучал, как рычание, — пути назад не будет. Я не смогу тебя отпустить. Никогда.

Элинор смотрела в его глаза и видела в них свое будущее. Огненное, страшное, прекрасное. Она обвила руками его шею, притягивая ближе, чувствуя жар его кожи, запах дыма и озона, бешеный ритм его сердца.

— Я не хочу назад, — прошептала она.

Он со стоном впился в ее губы.

— Какая же ты красивая, — выдохнул он. — Я думал, ты мне снилась. Но ты прекраснее любого сна.

Она никогда не считала себя красивой. Слишком худая, слишком бледная, слишком робкая, слишком бесцветная. Но в его глазах она была богиней — и это пьянило сильнее любого вина.

Он потянул сорочку вниз, обнажая грудь. Холодный воздух коснулся сосков, и они затвердели, превратившись в тугие горошины. Себастьян застонал — низко, протяжно, почти по-звериному. Она коснулась его лица, провела пальцами по резкой линии скулы, по жесткой щетине на подбородке, по губам, все еще хранящим вкус их поцелуя.

— А ты красивее, чем в моих снах, — прошептала она. — Там ты был только тенью. А здесь ты еще и свет.

Он улыбнулся — впервые за все время настоящей, теплой улыбкой, от которой у нее перехватило дыхание.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя человеком, — сказал он тихо. — Впервые за эти годы. Когда ты рядом, огонь внутри меня затихает. Не гаснет, нет. Но перестает жечь. Ты словно... прохладный ветер в пустыне. Глоток воды для умирающего от жажды.

— Так испей, — прошептала она, притягивая его ближе. — Я здесь. Я твоя.

Он целовал ее снова и снова — медленно, глубоко, смакуя каждый миг. Ее губы, ее глаза, ее шею, ключицы.

— Ты пахнешь медом и летними травами, — шептал он между поцелуями. — Твоя кожа будто светится в темноте.

Она смеялась и плакала одновременно, потому что никогда в жизни не чувствовала себя такой любимой, такой желанной, такой прекрасной.

— А ты пахнешь грозой и дымом, — отвечала она, глядя его по спине, чувствуя под пальцами шрамы, которые он по-

лучил неизвестно где и когда. — Ты словно сама буря, которая решила стать тише ради меня.

Он замер, поднял на нее глаза — синие-синие, без единой красной искры.

— Ты правда не боишься меня? — спросил он серьезно.

— Нет, — ответила она, глядя ему в глаза. — Я боюсь только одного — что это сон и я проснусь одна в своей камерке.

— Это не сон, — пообещал он. — Я докажу тебе.

Он наклонился и взял ее сосок в рот.

Элино́р вскрикнула.

Это было невыносимо — жар его языка, жадность его губ, легкое покусывание зубов. Волны наслаждения расходились от груди по всему телу, концентрируясь внизу живота пульсирующим, сладким узлом. Она выгнулась, вцепившись в его волосы, прижимая его ближе, умоляя не останавливаться.

Он не останавливался. Он целовал ее грудь, живот, спускаясь все ниже. Его язык оставлял огненный след на коже, его руки гладили бедра, раздвигая их, открывая его взгляду самое сокровенное.

Когда его пальцы коснулись ее там, где было влажно и горячо, Элино́р задохнулась. Это было слишком. Слишком остро. Слишком сладко. Слишком...

— Смотри на меня, — приказал он, и она открыла глаза, встретила с его горящим взглядом. — Я хочу видеть твое лицо.

Его пальцы вошли в нее — медленно, мучительно медленно. Она была такой тесной, такой узкой, что он зашипел сквозь зубы, сдерживаясь из последних сил.

— Боже, какая ты тесная, — выдохнул он. — Как ты при-
мешь меня?

Вместо ответа она подалась бедрами навстречу, насаживаясь глубже. И закричала от первого в своей жизни оргазма, который обрушился на нее, как цунами, разрывая на части и собирая заново.

Она застонала, судорожно, выгибаясь и вцепившись в его руку, которая все еще была внутри. Слезы текли по щекам, но она улыбалась — блаженно, пьяно, счастливо.

Себастьян смотрел на нее с таким обожанием, с такой жадностью, что у нее перехватило дыхание.

Она почувствовала, как он раздвигает ее бедра своими коленями. Как головка его члена касается входа — горячая, твердая, пульсирующая. Как он сдерживается, давая ей привыкнуть.

— Если будет больно, скажи, — прошептал он ей в губы.
— Я останавлиюсь.

— Не останавливайся, — попросила она. — Никогда не останавливайся.

Он вошел.

Рывком, на всю глубину, разрывая преграду, заполняя ее целиком. Элинор закричала — от боли, от полноты, от того, что он наконец внутри, там, где был во всех ее снах.

Себастьян замер, давая ей привыкнуть. На лбу выступила испарина, глаза горели алым, кулаки сжимали простыни по бокам от ее головы.

— Элли... — выдохнул он. — Элли, моя Элли...

Она обвила его ногами, притягивая ближе.

— Двигайся, — прошептала она. — Пожалуйста.

И он начал двигаться.

Сначала медленно, давая ей почувствовать каждое движение, каждое биение своего сердца внутри нее. Потом быстрее, глубже, отчаяннее. Комната наполнилась звуками — влажными, сладкими, первобытными. Треском искр, которые сыпались с их тел при каждом соприкосновении. Ее стонами, его рычанием, скрипом кровати.

Она достигла наслаждения снова — неожиданно для себя, вскрикнув и выгнувшись. Он последовал за ней, уткнувшись лицом в ее шею, с глухим стоном изливаясь в нее горячей, пульсирующей струей.

Тишина.

Только их дыхание, тяжелое, прерывистое. Только потрескивание догорающих дров в камине. Только биение двух сердец, пытающихся синхронизироваться.

Себастьян поднял голову и посмотрел на нее. В его глазах больше не было алого пламени. Только синева — глубокая, бездонная, наполненная чем-то, на что он не имел права.

— Я пропал, — прошептал он. — Ты сделала меня своим пленником.

Она улыбнулась и коснулась его щеки.

— Мы оба пленники, — сказала она. — Только клетка у нас теперь одна на двоих.

— Откуда это? — спросила она тихо, касаясь пальцами самого большого шрама на его груди.

Он перехватил ее руку и поцеловал в ладонь.

— Это долгая история, — сказал он. — Темная история. Ты уверена, что хочешь ее слышать? Сегодня? Сейчас?

— Я хочу знать о тебе все, — ответила она. — Хорошее и плохое. Светлое и темное. Все, что сделало тебя таким, какой ты есть.

Он помолчал, глядя куда-то в сторону, в темноту комнаты. А потом начал рассказывать.

— Ночь дышала вереском, — сказал он тихо, и голос его звучал отстраненно, словно он говорил не о себе, а о ком-то другом. — Этот густой, терпкий аромат — сладкий, медовый, почти удушливый — всегда был для меня запахом дома. Запахом свободы. Но в ту ночь все было иначе. В медовую горечь вплелась тошнотворная, металлическая сладость моей собственной крови.

Он замолчал, и Элинор видела, как тяжело ему говорить об этом. Она погладила его по щеке, прикоснулась губами к виску.

— Ты не обязан, — прошептала она. — Если больно...

— Ты должна знать, — перебил он. — Если ты останешься со мной, ты должна знать, кто я.

И он продолжил. Рассказал о той ночи несколько лет назад, когда стоял на коленях на холодных камнях, а двенадцать магов в тяжелых мантиях вырезали на его спине ритуальные знаки. Рассказал о своем даре, который вышел из-под контроля, о Башне Совета, обращенной в пепел одним лишь мгновением его гнева. О двенадцати магах, которые чудом выжили под защитным куполом.

— Я не хотел никому навредить, — сказал он, и в голосе его была такая мука, что у Элинора сжалось сердце. Он сжал кулаки, и в глазах его снова вспыхнуло алое пламя.

— Они не могли меня убить, — продолжил он. — Моя семья слишком сильна, моя кровь слишком стара. Если бы они пролили мою кровь, началась бы война, которая уничтожила бы всех. Но они смогли меня запереть.

Она слушала, затаив дыхание. Слушала о заклинании Сдерживания, которое сорвалось с губ двенадцати магов, о том, как из него вырывали дар, скручивали и вплавляли обратно грубой силой. О крике, который вырвался из его груди, когда цепи обвили его душу.

Элинора представила это — молодого Себастьяна, истекающего кровью, с душой, скованной цепями, и черный круг выжженной земли вокруг него. Представила и заплакала.

— Они заперли чудовище, — закончил он горько. — Так они сказали. И все эти годы я жил с этим. Горел изнутри, не в силах умереть, не в силах освободиться. Ненавидел себя за то, что сделал, и за то, кем стал.

Она прижалась к нему, обняла изо всех сил, словно пыта-
ясь защитить от той давней боли.

— Ты не чудовище, — прошептала она. — Ты человек,
которого предали. Которого испугались, вместо того чтобы
помочь. Которого заперли, вместо того чтобы научить.

— Я сжег Башню Совета, Элли. Там были люди.

— Которые выжили. А ты... ты все эти годы горел заживо.
Разве это справедливо?

Он посмотрел на нее долгим взглядом, и в глазах его боль-
ше не было алого пламени. Только синева — глубокая, без-
донная, наполненная чем-то, чему она не могла подобрать
названия.

— Ты первая, кто сказал мне это, — прошептал он. —
Первая, кто увидел во мне не монстра. Ты даже не представ-
ляешь, что это для меня значит.

— Я вижу тебя, — ответила она. — Настоящего. И мне
не страшно.

Он поцеловал ее — благоговейно, словно она была святы-
ней.

— Я люблю тебя, — сказал он просто, глядя ей в глаза. —
Я не имею права, я не должен, но я люблю тебя, Элли.

Она заплакала — от счастья, от нежности, от того, что эти
слова кто-то говорит ей впервые в жизни.

— И я люблю тебя, — ответила она. — Люблю так сильно,
что это больно. Люблю так, что готова гореть с тобой в одном
огне.

— Я не дам тебе сгореть, — пообещал он. — Ты мое спасение.

Он целовал ее слезы, соленые, горячие, и любил ее — медленно, бережно, словно боясь разбить. Каждое его движение было наполнено такой нежностью, такой благодарностью, что она таяла в его руках, как воск.

— Ты как будто создана для меня, — прошептал он, глядя ей в глаза. — Как будто сама судьба воплотила в тебе все мои мечты.

— А я словно всю жизнь ждала тебя, — ответила она, обвивая его ногами. — Все эти годы я ждала тебя, сама того не зная.

Он двигался медленно, ритмично, и каждый толчок отзывался в ней сладкой пульсацией. Между ними сыпались голубые искры, но они не жгли — они ласкали, словно подтверждая, что эта связь настоящая, что она глубже, чем просто плоть. Она смотрела в его глаза и видела в них свое отражение — любимую, желанную, счастливую.

Когда волна наслаждения накрыла их обоих, она вскрикнула — не от боли, от полноты ощущений, от того, что они наконец стали одним целым. Он застонал, уткнувшись лицом в ее шею, и она чувствовала, как бьется его сердце в унисон с ее собственным.

Они лежали в темноте, переплетенные, как два дерева, выросшие из одного корня. Он гладил ее волосы, она водила пальцем по его груди, изучая каждый шрам.

— Спасибо, — прошептал он вдруг.

— За что?

— За то, что не испугалась. За то, что пришла. За то, что есть.

Она улыбнулась и поцеловала его в губы.

— Спасибо, что позвал.

За окном занимался рассвет, но они не замечали этого. Им было достаточно друг друга. Впервые за долгие годы Себастьян Блэквуд не чувствовал огня в своей груди. Только тепло — ровное, спокойное, живое. Тепло ее тела, прижавшегося к нему. Тепло ее сердца, бьющегося в унисон с его собственным.

Он закрыл глаза и позволил себе поверить, что это навсегда.

ГЛАВА 8. ПЛАМЯ, КОТОРОЕ НЕ ОБЖИГАЕТ

Они лежали в темноте, переплетенные, мокрые от пота, и Элинор впервые в жизни чувствовала, что находится именно там, где должна быть.

Себастьян гладил ее волосы — медленно, задумчиво, словно боялся, что она исчезнет, стоит ему отвлечься. В его глазах, синих-синих в полумраке комнаты, больше не было боли. Не было того постоянного, грызущего страдания, которое она видела в них все эти две недели. Только покой. Только удивление. Только благоговение.

— Ты чудо, — прошептал он, касаясь губами ее виска. — Мое личное чудо.

Элинор улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается по телу — не жар, а именно тепло, ровное и спокойное.

— Я всего лишь служанка, — ответила она тихо. — Служанкам чудес не положено.

— Теперь мы вместе, — поправил он, и в голосе его прозвучала такая собственническая, такая непререкаемая нота, что у нее перехватило дыхание. — И никто не посмеет тебя тронуть. Никогда. Ни за что.

Она повернулась к нему, чтобы поцеловать, и вдруг заметила, что вокруг них в воздухе все еще танцуют искры.

Голубые — ее. Золотые — его. Они кружились в медленном, завораживающем вальсе, окутывая их защитным коконом, и в этом танце не было ничего пугающего. Только красота и гармония.

— Себастьян, — прошептала она, глядя на искры заворуженно. — Что это?

Он проследил за ее взглядом и замер.

— Я не знаю, — ответил он тихо. — Я никогда... никогда раньше мой огонь не вел себя так. Он всегда жжет. Всегда разрушает. А сейчас... — Он поднял руку, и золотое пламя послушно перетекло на ладонь, не обжигая даже его собственную кожу. — Сейчас он словно... играет.

Она протянула руку навстречу, и голубые молнии встретились с золотым пламенем. Вспышка — и они переплелись, закружились в новом танце, создавая причудливые узоры прямо у них над головами.

— Ты маг, — выдохнул Себастьян, глядя на нее с новым, потрясенным выражением лица. — Ты маг, Элли. Разве ты не чувствовала этого раньше?

— Я... ничего такого не чувствовала, — прошептала она, глядя на свои руки, с которых все еще срывались голубые искры. — Я думала, это просто сны. Просто... не знаю. Я никогда не умела ничего такого. Ничего необычного.

— Твоя сила спала, — сказал он уверенно. — Ждала своего часа. Ждала... меня. — Он посмотрел на переплетенные искры, и в глазах его зажглось понимание. — Наша ма-

гия совместима, Элли. Идеально совместима. Видишь? Мой огонь не жжет тебя. А твои молнии... они гасят разрушение. Превращают его в созидание.

Она смотрела, как золото и голубизна сплетаются в причудливый узор, и чувствовала, как по коже бегут мурашки — не от холода, от восторга.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, — он взял ее лицо в ладони и посмотрел в глаза, — что мы созданы друг для друга. Не только телами. Не только душами. Магией. Самим мирозданием.

Она хотела ответить, но он поцеловал ее — нежно, благодарно, обещающе. Искры вокруг них вспыхнули ярче, осыпаясь золото-голубым дождем, и Элинора почувствовала, как сила течет по ее венам — не чужая, не пугающая, а своя, родная, проснувшаяся наконец после долгой спячки.

— Ты научишь меня? — спросила она, когда он оторвался от ее губ.

— Обязательно, — ответил он. — Ты будешь учиться. Каждый день. Твоя сила слишком велика, чтобы оставлять ее без присмотра. И слишком прекрасна, чтобы прятать.

Она улыбнулась и прижалась к нему, чувствуя, как усталость наваливается тяжелым, но сладким грузом. Глаза слипались, тело требовало отдыха.

— Спи, — прошептал он, укутывая ее одеялом. — спи, чудо мое.

Она закрыла глаза и провалилась в сон — глубокий, спо-

койный, без сновидений. Впервые за много недель ей ничего не снилось. Только тепло. Только покой. Только его руки, обнимающие ее, и сердце, бьющееся в унисон с ее собственным.

Проснулась она уже одна.

Солнце только вставало, золотые лучи пробивались сквозь щели в задернутых портьерах, рисуя на полу светящиеся полосы. Элинора села на кровати, кутаясь в сбившееся одеяло, и огляделась.

Комната была пуста.

На подушке рядом с ней лежала записка — тонкий листок бумаги, сложенный пополам. Она развернула его дрожащими пальцами.

«Приходи ночью. Жду».

И рядом — цветок вереска. Бледно-лиловый, почти прозрачный, он хранил в себе запах свободы и дома. Тот самый запах, о котором он рассказывал ей прошлой ночью.

Элинора прижала записку к груди и улыбнулась.

Мир вокруг стал как будто ярче. Воздух — слаще. Краски — насыщеннее. Она чувствовала, как внутри разливается тепло, как губы сами тянутся в улыбке, как сердце поет от счастья.

Она оделась быстро, наскоро привела себя в порядок и выскользнула из восточного крыла. Коридор встретил ее привычной тишиной, но теперь эта тишина не пугала. Она была

частью его мира, а значит — и ее тоже. В своей каморке она сполоснулась, переоделась и побежала на кухню.

На кухне уже кипела работа. Миссис Оглторп гремела кастрюлями, поваренок таскал воду, пахло свежим хлебом и травами. Элинор взялась за тряпку, пытаясь делать вид, что ничего не случилось, что ночь была обычной, что она просто выспалась лучше обычного.

Но миссис Оглторп не была бы миссис Оглторп, если бы не заметила.

— Ишь, сияешь, — проворчала повариха, окинув ее подозрительным взглядом. — Случилось что? Или просто сон хороший приснился?

Элинор мотнула головой, пряча улыбку в тряпку.

— Нет, миссис Оглторп. Просто... утро хорошее.

— Утро как утро, — фыркнула та. — Солнце светит, пестухи орут.

Но Элинор только пожала плечами и уткнулась в работу. Она не могла объяснить. Не могла рассказать. Это было их тайной, их чудом, их маленьким миром, в который никто не имел права вторгаться.

Только в обед, когда она закатала рукава, чтобы вымыть посуду после трапезы прислуги, взгляд ее упал на запястье.

И сердце пропустило удар.

Там, где в первую встречу остался красный след от пальцев Себастьяна, теперь красовался тонкий золотой узор. Похожий на татуировку, но более живой — он словно светил-

ся изнутри, переливаясь в солнечных лучах. Переплетение пламени и молний, застывшее в вечном танце, точно таком же, какой она видела ночью над их головами.

Элинор замерла, уставившись на свое запястье. Потом принялась тереть его — сначала легонько, потом сильнее, потом изо всех сил, пытаясь стереть.

Узор не сходил.

Он был частью ее кожи. Частью ее самой.

— Что это? — прошептала она, глядя на золотое кружево, оплетающее запястье. — Что это значит?

Ответа не было. Только звуки кухни, только ворчание миссис Оглторп за спиной, только бешеный стук сердца в груди.

ГЛАВА 9. УЗОР НА КОЖЕ

Остаток дня превратился в пытку.

Элино́р терла запястье снова и снова — холодной водой, жесткой тряпкой, даже песком, когда никто не видел. Но золотой узор не исчезал. Он словно въелся в кожу, стал частью ее, пульсировал в такт сердцу, переливался в свете кухонных ламп, привлекая взгляд.

Она спрятала руку под длинным рукавом грубого платья и работала как заведенная. Чистила картошку, мыла посуду, подметала пол — лишь бы не думать. Но мысли возвращались. Снова и снова.

К ночи. К его рукам. К его губам. К тому, как он шептал ее имя — благоговейно, отчаянно, словно молитву. К тому, как золотое пламя встречалось с ее голубыми молниями, и мир вокруг них исчезал, оставляя только их двоих.

— Элли! — рывкнула миссис Оглторп. — Ты оглохла? Я третий раз зову!

— Простите, миссис Оглторп, — пробормотала она, хватая тряпку.

— Работай давай, а не в облаках вита́й, — проворчала повариха, но в голосе ее не было обычной суровости. Она смотрела на Элино́р странно — будто что-то видела, но не решалась спросить.

Вечер наступил мучительно медленно.

Едва часы пробили семь, Элинор схватила поднос с ужином — миссис Оглторп собирала его с особой тщательностью, ворча, что хозяин в последнее время стал меньше есть, — и почти побежала в восточное крыло. Сердце колотилось где-то в горле, ноги несли быстрее ветра.

Коридор встретил ее привычной тишиной и запахом озона. Но теперь этот запах казался родным. Он пах им.

Дверь распахнулась до того, как она успела поставить поднос.

Себастьян стоял на пороге — высокий, широкоплечий, с гривой черных волос, падающих на плечи.

Он притянул ее к себе, даже не дав войти.

Его губы нашли ее губы — жадно, отчаянно, будто он не видел ее год, а не несколько часов. Поднос жалобно звякнул, чудом удержавшись в ее руке. Она застонала ему в рот, отвечая с той же жадностью, забыв обо всем на свете.

Но потом вспомнила.

Она отстранилась, тяжело дыша, и протянула ему левую руку, закатывая рукав до локтя.

— Что это? — выдохнула она.

Себастьян взял ее запястье — осторожно, будто оно было сделано из тончайшего стекла. Поднес к глазам, рассматривая золотой узор, переливающийся в свете камина. И в его глазах вспыхнуло изумление — чистое, неподдельное, почти благоговейное.

— Метка Истинной Пары, — выдохнул он. Голос его сел,

охрип. — Я думал, это сказки, древние легенды. То, что рассказывают влюбленным девушкам, чтобы они не теряли надежды.

— Что это значит? — Элинор смотрела на него, пытаясь понять по лицу — хорошо это или плохо.

Он поднял на нее глаза. В них было столько чувств, что у нее перехватило дыхание. Изумление. Благоговение. Страх. И любовь — огромная, всепоглощающая, затопляющая.

— Это значит, Элли, — сказал он тихо, — что мы связаны. Навсегда. Моя магия признала тебя своей парой. Не просто женщиной, которую я желаю. Не просто магом, с которым у меня совместимость. А той, кто создана для меня. Единственной. Во всем мире. На все времена.

Она смотрела на него, пытаясь осмыслить услышанное.

— Но я служанка, — прошептала она. — Сирота. Никто.

— Ты — маг эфира, — поправил он, и в голосе его зазвела гордость. — Самый редкий дар. Тот, кто может обуздать огонь. Тот, кто создан, чтобы стать парой для таких, как я. Для магов пламени. — Он провел пальцем по узору, и золото вспыхнуло ярче. — И теперь мы вместе.

Элинор смотрела на него — на этого гордого, сильного мужчину, который стоял перед ней в полуразрушенной комнате, сжигаемый огнем изнутри, запертый в собственной клетке. И в глазах его была такая нежность, такая благоговейная любовь, что у нее защемило в глазах.

Он опустился перед ней на колени.

— Элино́р, — сказал он, и имя это прозвучало как молитва. — Я не могу предложить тебе титул. Я не могу предложить тебе положение в обществе. Я проклят. Я заперт здесь, как зверь в клетке. Люди боятся меня, и у них есть на то причины. — Он сжал ее руку. — Но я предлагаю тебе себя. Всего. Без остатка. Навсегда. Если ты согласишься быть моей, я посвящу каждую секунду своей жизни тому, чтобы сделать тебя счастливой. Я буду беречь тебя, как зеницу ока. Я буду любить тебя так, как не любил никто и никогда. — Он поднял на нее глаза. — Ты согласна быть моей, Элино́р?

Она смотрела на него. На этого мужчину, который мог бы иметь все, но потерял все из-за дара, которого не просил. Который годами горел в одиночестве, пока она не пришла. Который боялся причинить ей боль больше всего на свете.

Слезы покатались по ее щекам.

— Да, — прошептала она. — Да, Себастьян. Я согласна.

Он поднялся — резко, порывисто — и прижал ее к себе. Поцеловал — не жадно, не требовательно, а благоговейно, будто она была святыней. Будто он все еще не верил, что она здесь, что она сказала «да», что она останется.

Искры вспыхнули вокруг них — золотые и голубые, переплетаясь в бешеном танце. Они кружились, осыпаясь на плечи, на волосы, на сплетенные руки. Комната наполнилась светом и теплом, и впервые за долгие годы стены восточного крыла видели не отчаяние, а счастье.

Себастьян оторвался от ее губ и прижался лбом к ее лбу.

— Я люблю тебя, — выдохнул он. — Я люблю тебя так, что это больно. Так, что я забываю дышать, когда тебя нет рядом. Ты — мое спасение, Элли. Мой свет. Моя жизнь.

— И ты — мой, — ответила она. — Единственный. Навсегда.

Он улыбнулся — той самой улыбкой, которую она любила, которая делала его прекрасное лицо почти мальчишеским.

— Навсегда, — повторил он. — Это слово мне нравится. Он наклонился, чтобы поцеловать ее снова, и вдруг замер. Всего на секунду. Мышцы его напряглись, голова повернулась к окну. Элино́р почувствовала, как воздух вокруг них изменился — стал тяжелым, напряженным, готовым взорваться.

— Что? — прошептала она. — Что случилось?

Он не ответил. Только смотрел в окно невидящим взглядом, и лицо его медленно бледнело.

Элино́р проследила за его взглядом.

За окном, в сгущающихся сумерках, по подъездной аллее к поместью скакали всадники. Много. Десятка два, не меньше. В руках у них горели факелы, освещаая темноту зловещим оранжевым светом. Тяжелые плащи развевались на ветру, и даже на таком расстоянии Элино́р разглядела серебряные знаки на их груди — символ Совета Магов.

Они приближались быстро, не сворачивая, целенаправленно.

— Совет Магов, — выдохнул Себастьян. Голос его звучал глухо, мертво. — Они пришли.

— Но зачем? — Элинор вцепилась в его руку. — Ты же сказал, они заперли тебя здесь. Чего им еще надо?

Он сжал ее пальцы так сильно, что стало больно.

— Они чувствуют, — сказал он тихо. — Печать, которую они наложили на меня... она слабеет. Я думал, это только мои ощущения. Но если они здесь... значит, они тоже знают. Они чувствуют, что моя сила больше не сдерживается.

— Из-за меня? — прошептала она.

— Из-за нас. — Он посмотрел на нее. — Твоя магия освободила мою. Связь Истинной Пары разрушает любые оковы. Они пришли проверить. И если увидят, что печать больше не держит...

Он не договорил. Элинор и так поняла.

Себастьян резко развернулся, схватил ее за плечи. В глазах его полыхал страх — не за себя, за нее.

— Слушай меня внимательно, — заговорил он быстро, жестко. — За камином есть тайный ход. Он ведет в подземелье, а оттуда — в лес. Ты спрячешься там. Не выходи, что бы ни случилось. Что бы ты ни услышала — не выходи.

— Нет! — вырвалось у нее. — Я не оставлю тебя! Себастьян, я не...

— Ты сделаешь, как я сказал! — рявкнул он впервые за все время. Голос его прогремел, как удар грома, и Элинор замерла. — Если они увидят тебя, если поймут, что ты моя

пара... Они убьют тебя, Элли. Не задумываясь. Ты для них — угроза. Ты — та, кто может освободить меня окончательно. Они не пощадят.

— Но ты...

— Я справлюсь, — перебил он. — Я справлялся все эти годы. Я справлюсь и сейчас. Пока тебя не было, я перерыл семейные архивы и нашел то, что нас спасет. Посмотри, этот амулет поможет мне. Но я не смогу защищать тебя, если ты будешь рядом. Ты будешь моей слабостью, Элли. Моей самой уязвимой точкой. — Он сжал ее лицо в ладонях. Глаза его горели синим пламенем, но в них была мольба. — Спрячься. Прошу тебя. Ради меня. Ради нас. Если ты любишь меня — спрячься.

Внизу уже грохотали сапоги. Голоса — резкие, властные — разносились по замку. Кто-то кричал, кто-то отдавал приказы. Дверь в восточное крыло сотряслась от первого удара.

Элинор смотрела в его глаза — синие, любимые, полные отчаяния и мольбы. И понимала, что выбора у нее нет.

Она кивнула, сглатывая слезы.

Себастьян рванул ее к камину, нажал на незаметный выступ в резьбе. Каменная панель бесшумно отъехала в сторону, открывая темный провал, пахнувший сыростью и вековой пылью.

— Иди, — шепнул он, целуя ее в лоб — быстро, отчаянно. — Иди и не оглядывайся. Я найду тебя. Обещаю. Что бы ни случилось, я найду тебя.

Она шагнула в темноту.

Каменная панель закрылась за ее спиной, отсекая свет, отсекая его, отсекая весь мир.

Элинор стояла в крошечной тьме, прижимая руки к груди, и слушала, как грохочут удары в дверь. Как Себастьян кричит что-то властное, магическое — слова, которых она не понимала, но от которых воздух вибрировал. Как дверь с треском распахивается.

А потом — тишина. Такая страшная, что хотелось кричать.

И голос — незнакомый, холодный, как лезвие ножа, — разнесся по комнате, усиленный магией:

— Печать слабеет, Блэквуд. Мы чувствуем это. Что изменилось? Отвечай!

Элинор зажала рот рукой, чтобы не закричать. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всем замке.

Она стояла в темноте и молилась всем богам, которых знала, чтобы он выжил. Чтобы они оба выжили. Чтобы у них было будущее — то самое, которое она пообещала ему всего несколько минут назад.

ГЛАВА 10. ТАЙНЫЙ ХОД

Тьма была плотной, как смола.

Элинор забилась в самый угол узкого лаза за камином, прижимая колени к груди и зажимая рот рукой, чтобы сдержать рвущийся наружу крик. Пахло вековой пылью и еще чем-то — металлическим, древним, пугающим. Но сквозь тонкую щель между камнями она видела часть комнаты. Достаточно, чтобы понять — происходит нечто страшное.

Дверь слетела с петель с таким грохотом, что Элинор подпрыгнула, ударившись головой о каменный свод.

В комнату ворвались они.

Четверо мужчин в тяжелых темных мантиях, расшитых серебряными знаками, которые светились в полумраке собственным холодным светом. Их лица были суровы, глаза горели фанатичным огнем, а пальцы, униженные магическими перстнями, уже плели первые охранные заклинания.

Во главе стоял высокий, сухой старик с седой бородой, расчесанной на две стороны, и глазами цвета зимнего неба — такими холодными, что от одного взгляда на них хотелось замерзнуть. Он оглядел комнату — разгромленную, полупустую, с задернутыми портьерами и догорающим камином, — и остановил взгляд на Себастьяне.

Тот стоял у камина, опираясь рукой на мраморную полку. Лицо его было спокойно, но Элинор видела, как напряжены

мышцы под белой рубашкой, как пульсирует жилка на шее, как пальцы сжимаются в кулак, чтобы не выдать дрожи.

— Себастьян Блэквуд, — произнес старик. Голос его звучал сухо, как шелест пергамента. — Мы чувствуем колебания твоей магии. Твой дар снова просыпается.

— Вам показалось, Аргус, — голос Себастьяна звучал ровно, спокойно, почти лениво. — Я заперт здесь уже несколько лет. Моя магия спит. И будет спать, пока вы не снимете печать — если, конечно, я до этого дня доживу.

— Не лги, мальчик. — Аргус сделал шаг вперед, и Элинор увидела, как его пальцы сжались на рукояти посоха, которого она раньше не замечала. — В округе были бури. Странные огни. Говорят, по ночам над поместьем пляшут молнии. Это неспроста.

— Гроза. — Себастьян пожал плечами с таким пренебрежением, что Элинор восхитилась его самообладанием. — Летняя гроза. Бывает. Или вы забыли, что такое природа, просидев всю жизнь в своих башнях?

— Дерзость тебя не красит, — холодно заметил Аргус. — Твое положение и так шатко. Если мы обнаружим, что ты пытаешься освободиться, печать будет усилена. А если найдем того, кто тебе помогает... — Он сделал паузу, давая весу своих слов опуститься на плечи Себастьяна. — Ты знаешь цену. Предатели и пособники получают один приговор.

Себастьян не дрогнул.

— Ищите, — сказал он спокойно. — Чувствуйте себя как

дома. Только предупреждаю: если кто-то из ваших людей обидит здесь кого-нибудь, я не ручаюсь за его сохранность. Печать печатью, а рефлексy у меня все еще острые.

Аргус усмехнулся — криво, без тени веселья.

— Твоя самоуверенность когда-нибудь тебя погубит, Блэквуд.

— Возможно, — согласился Себастьян. — Но не сегодня.

Маг сделал знак своим спутникам, и они рассыпались по комнате, заглядывая в каждый угол, проверяя каждый камень. Один из них подошел к камину — так близко, что Элино́р видела пряжку на его сапоге. Замер, пригнувшись.

— Здесь пахнет женщиной, — сказал он. Голос его был молодым, но таким же холодным, как у Аргуса.

Сердце Элино́р пропустило удар.

Себастьян рассмеялся. Смех был горьким, злым, полным такой тоски, что у нее защемило в глазах.

— Женщиной? — переспросил он. — В моей берлоге? Вы хоть представляете, каково это — жить с огнем внутри? Я не могу прикоснуться ни к одной женщине, не рискуя сжечь ее дотла. Или вы думаешь, я держу здесь любовницу в чулане?

Маг у камина смутился, отступил на шаг.

— Просто запах...

— Если ваше обоняние рисует вам женщин, советую проверить голову — отрезал Себастьян.

Аргус бросил на своего спутника тяжелый взгляд, и тот отошел от камина.

— Мы обыщем поместье, — объявил старик. — Все комнаты, все коридоры, все подвалы. Если найдем что-то подозрительное — вернемся. И тогда разговор будет другим.

— Как скажете. — Себастьян махнул рукой в сторону двери. — Только не забудьте закрыть за собой дверь. Сквозняки мне вредят.

Маги вышли. Комната погрузилась в тишину, нарушаемую только потрескиванием догорающих дров.

Элинор сидела в темноте, не смея пошевелиться. Она слышала, как затихают шаги в коридоре, как хлопают двери в других частях замка, как где-то внизу перепуганная миссис Оглторп пытается отвечать на вопросы. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всем восточном крыле.

Час. Два. Вечность.

Наконец, когда она уже потеряла счет времени, каменная панель бесшумно отъехала в сторону, и в лаз упал свет.

Себастьян стоял на пороге, протягивая ей руку. Лицо его было бледным как смерть, под глазами залегли тени, губы сжаты в тонкую линию. Но глаза — глаза горели синим огнем, в котором плясали золотые искры.

— Они уехали, — сказал он. Голос сел, охрип. — Выходи, любовь моя.

Элинор выбралась из лаза, дрожа всем телом, и вцепилась в него, прижимаясь лицом к его груди. Он обнял ее — крепко, отчаянно, будто боялся, что она исчезнет.

— Я думала... — прошептала она. — Я думала, они най-

дуг меня. Тот маг у камина... он стоял так близко...

— Я знаю. — Он погладил ее по волосам, прижимая к себе еще крепче. — Я чуть не сжег его на месте. Если бы он прикоснулся к камню, если бы нашел тайник... — Он замолчал, и она почувствовала, как дрожит его тело. Не от холода — от напряжения, которое только начинало отпускать.

— Но он не нашел, — прошептала она.

— Он не нашел, — повторил он. — Потому что ты сидела тихо, как мышь. Потому что ты чудо.

Она отстранилась, заглядывая ему в глаза.

— Что нам теперь делать? Они вернутся. Ты сам сказал.

Он кивнул. Подвел ее к креслу, усадил, сам опустился на подлокотник, обнимая за плечи.

— Они вернутся, — подтвердил он. — Аргус не дурак. Он что-то заподозрил. Может быть, не знает о тебе, но чувствует, что печать слабеет. А если печать слабеет, значит, есть причина. Они будут искать эту причину. Рано или поздно.

— И что нам делать?

Он повернулся к ней, взял ее лицо в ладони. В глазах его горела решимость — та самая, которая помогла ему выжить в одиночестве все эти годы.

— У нас есть преимущество, — сказал он. — Семейный амулет Блэквудов. Он создает защитный купол, под которым не чувствуется магия. Никакая. Ни моя, ни твоя. Если мы будем внутри, Совет не сможет нас обнаружить.

— Амулет? — переспросила она. — У тебя есть такой?

— Он принадлежал моей матери. Она оставила его мне перед смертью, зная, что однажды он может понадобиться. — Он поднялся, подошел к шкатулке на каминной полке и достал оттуда небольшой кулон на серебряной цепочке. В свете камина камень в оправе вспыхнул глубоким синим цветом. — Я должен научить тебя владеть силой, Элли. И мы сделаем это здесь, под защитой амулета. Он скроет нас от Совета, от магов, от всех. Они не увидят ни искры.

Она взяла кулон в руки, чувствуя исходящее от него тепло.

— Значит, мы в безопасности? Пока мы здесь?

— Настолько, насколько это возможно, — кивнул он. — Но есть еще одна вещь, которую мы должны сделать. И как можно скорее.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Мы должны пожениться, Элли, — сказал он серьезно. — Официально. По закону.

— Что? — Она растерянно моргнула. — Но... зачем?

— Затем, что если Совет узнает о тебе, если они поймут, кто ты для меня, они попытаются тебя забрать. А если ты станешь моей законной женой, графиней Блэквуд, у них будет меньше прав. Титул имя защитят тебя. Я не смогу вечно держать тебя в тайне, и когда правда выйдет наружу, ты должна быть под моей защитой не только как моя пара, но и как моя семья.

Она смотрела на него, чувствуя, как слезы подступают к

глазам.

— Ты хочешь на мне жениться? На служанке?

— Я хочу жениться на женщине, которую люблю, — поправил он твердо. — На той, чья магия переплелась с моей. На той, кто носит метку Истинной Пары на своем запястье. Будь ты хоть служанкой, хоть принцессой — мне все равно. Ты моя. И я хочу, чтобы весь мир знал об этом.

Она прижалась к нему, пряча лицо у него на груди.

— Но как? — прошептала она. — Здесь, в поместье? Священник...

— У Блэквудов есть свой поверенный и свой священник, — ответил он. — Они люди проверенные, им можно доверять. Я пошлю за ними сегодня же. Они оба приедут под видом деловой встречи, а на деле... — Он улыбнулся, впервые за вечер по-настоящему тепло. — А на деле мы станем мужем и женой.

Она подняла на него глаза.

— Ты уверен?

— Никогда не был так уверен ни в чем, — ответил он и поцеловал ее.

За окном сверкнула молния — голубая, яркая, прекрасная. И Элинор впервые не испугалась ее. Потому что это была часть ее самой. И часть его. И их будущего.

ГЛАВА 11. УРОКИ МАГИИ (И ЧЕГО-ТО БОЛЬШЕГО)

Утром, когда Элинор спустилась на кухню, миссис Крамп подозвала ее к себе с непроницаемым лицом.

— Элли, — сказала экономка негромко, но так, чтобы слышали другие. — Лорд Блэквуд распорядился: отныне ты не работаешь на кухне.

У Элинор сердце ухнуло в пятки. Неужели кто-то узнал? Неужели Совет вернулся?

— Но... миссис Крамп... я...

— Ты теперь будешь чем-то вроде сиделки при нем, — перебила экономка, и в глазах ее мелькнуло что-то странное — не то удивление, не то понимание. — Будешь приносить еду, следить, чтобы в комнате было прибрано, читать ему, если попросит.

— Но... почему я?

— Не нашего это ума дело, — отрезала миссис Крамп, но в голосе не было обычной суровости. — Он так сказал. А он — хозяин. — Она помолчала, потом добавила тише: — Ты ему, видно, приглянулась. Может, потому что не боишься. Или потому что мало болтаешь. Не знаю. Но смотри, Элли... — Она осеклась, будто не решаясь сказать что-то важное. — Ладно, ступай. С этого часа ты в его распоряжении. Жить

теперь будешь в комнате рядом с восточным крылом, там, где раньше камеристка леди Блэквуд жила. Я велю принести туда твои вещи.

Элино́р кивнула, чувствуя, как внутри все переворачивается от счастья и страха одновременно.

Слуги косились на нее с любопытством, когда она проходила по коридорам, но никто не смел спрашивать. Миссис Оглторп только подмигнула ей и буркнула что-то про "везучую девчонку", но без злобы. Поваренок таращился во все глаза, но быстро получил подзатыльник и отправился чистить картошку.

Так Элино́р стала сиделкой.

Днем она приносила Себастьяну еду, поправляла постель, читала вслух книги из его библиотеки. Когда последний слуга уходил спать, когда в коридорах стихали шаги, а луна поднималась высоко над восточным крылом, Элино́р пробиралась по знакомому пути — мимо портьеры из черного бархата, по гулкому каменному коридору, к его двери. Себастьян всегда ждал — стоял на пороге, протягивал руку, притягивал к себе в поцелуе, от которого мир переставал существовать.

А потом начинались уроки.

В центре комнаты, под защитным куполом амулета, который мягко мерцал синим светом, Себастьян учил ее чувствовать магию.

— Эфир — это основа всего, — говорил он, водя пальцами по воздуху, оставляя за собой золотые искры. — Воздух,

вода, земля, огонь — все это лишь производные. А эфир — первооснова. Тот, кто владеет им, может влиять на все стихии.

— Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — скептически заметила Элинор.

— Потому что это опасно. — Он посмотрел на нее серьезно. — Магов эфира всегда боялись. Их сила слишком велика. Если ты не научишься контролировать ее, она начнет контролировать тебя. И тогда...

— Тогда Совет придет за мной, — закончила она.

— Тогда Совет придет за тобой, — кивнул он. — Поэтому мы будем заниматься, пока у тебя не начнет получаться даже во сне.

Она улыбнулась, но улыбка вышла нервной.

Первые вечера были мучительными.

Себастьян заставлял ее сидеть в центре комнаты, закрыв глаза, и чувствовать потоки энергии. Она чувствовала только его присутствие — жар, исходящий от его тела, запах дыма и сандала, его дыхание, когда он подходил слишком близко.

— Не отвлекайся, — говорил он строго, хотя в голосе проскальзывали смешливые нотки. — Сила вокруг тебя. Чувствуй.

— Я чувствую только тебя, — жаловалась она.

— Это уже прогресс, — усмехался он.

На третий вечер он встал у нее за спиной.

— Закрой глаза, — приказал он тихо. — Дыши глубже. Я

буду направлять тебя.

Она послушалась. И почувствовала его руки на своих плечах — горячие, обжигающие даже сквозь ткань платья. Он стоял так близко, что его дыхание касалось ее затылка, и от этого по спине бежали мурашки, а внизу живота разливалось знакомое томление.

— Чувствуешь? — прошептал он ей на ухо. — Энергия течет по твоим венам. Она ждет, когда ты позовешь ее.

— Я не могу сосредоточиться, когда ты так близко — выдохнула она. — Ты меня отвлекаешь.

Он довольно усмехнулся.

— Тогда используй это. Страсть — тоже источник силы. Самый древний. Самый мощный. — Его губы коснулись ее виска. — Вспомни нашу первую ночь, Элли. Вспомни, что ты чувствовала. Вспомни мои руки, мои губы, то, как я был внутри тебя. Направь это в магию.

Она зажмурилась, чувствуя, как жар заливает щеки. Воспоминания нахлынули — горячие, живые, пульсирующие. Его руки на ее талии. Его губы на ее груди. Его шепот, его стоны, его имя, которое она выкрикивала в забытьи.

Сила откликнулась.

Она почувствовала это всем телом — энергия хлынула по венам, заполняя каждую клеточку, требуя выхода. Элинора открыла глаза и вскрикнула.

Она парила в дюйме над полом.

Голубые молнии окутывали ее тело, танцевали вокруг рук,

играли в волосах. Они не жгли — они ласкали, переливались, жили своей жизнью. Комната озарилась призрачным светом, и даже амулет на шее Себастьяна вспыхнул в ответ.

— Получилось! — выдохнула она в изумлении. — Себастьян, получилось!

А потом молнии погасли так же внезапно, как зажглись.

Элинор охнула и полетела вниз, но он поймал ее — подхватил на руки, прижал к себе, глядя с таким благоговением, что у нее перехватило дыхание.

— Ты невероятна, — прошептал он, вглядываясь в ее лицо. — Ты даже не представляешь, насколько ты невероятна.

— Поцелуй меня, — попросила она, обвивая руками его шею.

Он поцеловал.

И урок магии превратился в урок чего-то другого.

Прямо на полу, на медвежьих шкурах у камина, он любил ее — медленно, глубоко, глядя в глаза. Она таяла под ним, отвечала каждым движением, каждым вздохом, каждым стоном. Искры сыпались вокруг них — золотые и голубые, переплетаясь в безумном танце, озаряя комнату светом, который не видел никто, кроме них.

Когда все закончилось, они лежали обессиленные, переплетенные, мокрые от пота. Часы пробили далеко за полночь, но ни один из них не думал о сне. Себастьян гладил ее живот — медленно, задумчиво, и в глазах его была тревога,

которую она уже научилась читать.

— Что-то не так? — спросила она тихо.

— Твоя сила растет слишком быстро, — ответил он. — Это привлекает внимание. Даже под амулетом я чувствую, как она пульсирует. Если так пойдет дальше, Совет обнаружит нас. Даже сквозь защиту.

Она приподнялась на локте.

— Есть способ это остановить?

— Не остановить, — поправил он. — Скрыть. — Он помолчал, глядя в огонь. — Элли, ты рассказывала про медальон, который носила в приюте все эти годы... он все еще у тебя? Я думаю, что этот медальон скрывал твою силу все эти годы — Он взял ее за руку. — Именно поэтому Совет не чувствовал тебя. Именно поэтому ты сама не знала, кто ты.

Элинор смотрела на него, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Но когда я сняла его...

— Твоя сила начала пробуждаться, — закончил он. — Именно поэтому я мог приходить к тебе во снах. Именно поэтому нас потянуло друг к другу. Медальон перестал скрывать тебя, и магия позвала свою пару.

Она прижала руку к груди, туда, где раньше висел медальон.

— Я носила его всегда, — прошептала она. — С самого детства. Сестры в приюте говорили, что он со мной, когда меня нашли. Я никогда не снимала его, даже мылась с ним. А

когда приехала сюда... побоялась, что кто-то украдет. Спрятала под половицу в своей каморке.

— И твоя сила проснулась, — кивнул Себастьян. — Сначала сны. Потом искры. Потом я.

Она посмотрела на него, и в глазах ее стояли слезы.

— Значит, тот, кто мне его оставил... они знали. Они оставили мне этот медальон, чтобы защитить. Чтобы я была в безопасности, пока не встречу тебя.

— Скорее всего, это была твоя мать. Она хотела, чтобы ты выжила, — мягко сказал он. — И чтобы однажды стала той, кем должна быть.

Элинор прижалась к нему, чувствуя, как теплая волна благодарности заливает сердце.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— И я тебя. — Он поцеловал ее в макушку. — А теперь спи. Уже почти утро.

Она закрыла глаза, чувствуя, как силы покидают ее. И провалилась в сон без сновидений, согретая его теплом и надеждой.

За окном занимался рассвет, но им было все равно. У них были ночи. У них были вечера. У них была вечность впереди.

ГЛАВА 12. КРОВЬ ХРАНИТЕЛЕЙ

Элинор бежала по коридору, сжимая в кулаке холодный металл.

Медальон. Все эти дни он лежал в шкатулке, пылился в темноте, ждал. А она даже не знала. Думала, что это просто безделушка, единственное напоминание о том, что у нее вообще было прошлое. Никогда не решалась продать его, хотя сестры в приюте не раз намекали, что за него можно выручить несколько монет.

Что-то останавливало. Словно она знала — нельзя.

Себастьян ждал ее в своей комнате, как всегда. Стоял у камина, опираясь рукой о мраморную полку, и при ее появлении повернулся с той особенной улыбкой, от которой у нее каждый раз сжималось сердце.

— Принесла? — спросил он тихо.

Она кивнула, разжала кулак.

Медальон лежал на ее ладони — маленький, серебряный, совсем простой на первый взгляд. Круглый, чуть тронутый временем, с едва заметным узором на крышке. В свете камина металл вспыхнул теплым светом.

Себастьян взял его осторожно, словно величайшую драгоценность. Поднес к глазам, всматриваясь в гравировку. И вдруг замер.

— Элли, — выдохнул он. — Ты видишь?

Она подошла ближе, заглянула через его плечо. На крышке медальона проступал символ, почти стертый временем, но все еще различимый: молния, заключенная в круг пламени. Искусная работа, древняя, исполненная смысла.

— Что это? — прошептала она.

— Герб Хранителей Эфира, — ответил он, и голос его дрогнул. — Древняя сила. Самые могущественные из всех, кто владел магией в этом королевстве. Они не подчинились Совету. Отказались отдавать свою силу в рабство.

Он замолчал, и в тишине было слышно только потрескивание дров.

— Что с ними стало? — спросила Элинор, хотя уже знала ответ.

— Совет уничтожил их. Много лет назад. Сожгли всех до единого. — Он повернулся к ней, и в его глазах было что-то, от чего у нее сжалось сердце. — Так они объявили. Никто не выжил. Ни мужчины, ни женщины, ни дети. Все.

Элинор смотрела на медальон, чувствуя, как холодок бежит по спине.

— Но медальон у меня, — прошептала она. — Значит...

— Значит, кто-то выжил. — Себастьян взял ее за плечи. — Кто-то, кто спрятал тебя. Кто-то, кто хотел, чтобы ты жила.

Элинор сжала медальон в кулаке так сильно, что металл впился в кожу. Впервые в жизни у нее было прошлое. Впервые она не была безродной сиротой, подкидышем, никому не

нужным ребенком. У нее был род. Были родители, которые наверняка любили ее.

Слезы покатались по щекам.

Себастьян прижал ее к себе, давая выплакаться. Она плакала беззвучно, уткнувшись лицом в его грудь, чувствуя, как вместе со слезами уходит многолетняя боль. Боль сиротства, одиночества, ненужности.

— Нам нужно открыть его, — сказала она наконец, отстраняясь. — Узнать, что внутри.

Себастьян кивнул. Взял медальон, попробовал нажать на крышку — бесполезно. Поднес к свету, попытался поддеть ногтем — медальон не поддавался. Нахмурившись, он направил на него поток магии — золотое пламя лизнуло серебро, но символ даже не вспыхнул в ответ.

— Запечатан, — заключил он. — Магией крови. Только твоя кровь сможет открыть его.

— Так давай попробуем, — она протянула руку.

Он остановил ее.

— погоди. Если мы откроем его сейчас, мы не знаем, что произойдет. Это может привлечь внимание Совета. Мгновенно. Если твоя мать запечатала его так сильно, значит, внутри нечто важное. И опасное.

— Но если не откроем, мы никогда не узнаем правду.

— Знаю. — Он сжал ее руку. — Мы подождем. Выберем самый безопасный момент. Когда будем уверены, что нас не чувствуют.

Она кивнула, пряча медальон за пазуху, к самому сердцу.
В этот момент в дверь постучали.
Три удара. Ритмичных. Условных.
Оба замерли.

— Это миссис Крамп, — выдохнул Себастьян.

Он подошел к двери, отворил.

На пороге стояла миссис Крамп.

Она была бледна — не просто встревожена, а по-настоящему бледна, с серым оттенком лица, который Элинор видела только у людей, переживших сильнейшее потрясение. Руки экономки дрожали, хотя она пыталась их спрятать в складках передника.

— Милорд, — начала она без обычных приветствий, и голос ее срывался. — В деревне чужие. Люди Совета.

Себастьян напрягся.

— Откуда ты знаешь?

— Мой племянник работает в трактире. Он видел их, слышал разговоры. — Миссис Крамп перевела дух. — Ваши расспросы в приюте, милорд. Вы посылали поверенного узнать о девочке, которую подбросили много лет назад. Кто-то донес в Башню. Теперь они ищут. Расспрашивают о девушке с серыми глазами, которая могла появиться в этих краях лет пятнадцать-шестнадцать назад. Племянник сказал, что знает похожую девушку, она нанялась служанкой в соседний город и уехала. Но надолго это их не задержит.

Элинор почувствовала, как кровь отливает от лица.

Миссис Крамп перевела взгляд с Себастьяна на Элинор. Долгий, тяжелый взгляд, полный того, чего Элинор никогда раньше не видела в глазах суровой экономки. В нем было знание. Понимание. И боль.

— Я знала твою мать, девочка, — медленно произнесла она. Голос ее звучал глухо, но твердо. — И я обещала ей, что сохраню тебя. Любой ценой.

Элинор замерла, не в силах вымолвить ни слова.

— Но если Совет найдет тебя... — Миссис Крамп покачала головой. — Если они узнают, кто ты на самом деле, нам всем конец. Не только тебе. Всем, кто когда-либо соприкасался с тобой, говорил с тобой, смотрел в твою сторону.

В глазах экономки стояли страх и решимость одновременно. Страх за себя, за них, за всех. И решимость — несмотря ни на что — исполнить клятву, данную много лет назад.

В комнате повисла тишина. Такая густая, что ее можно было резать ножом. Только потрескивали дрова в камине, только бились три сердца — каждое в своем ритме, но связанные одной неразрывной нитью.

Элинор смотрела на миссис Крамп и видела ее словно впервые. Не суровую экономку, вечно недовольную и требовательную. А женщину, которая несла свою тайну долгие годы. Которая ждала своего часа.

— Вы знали мою мать, — прошептала Элинор. — Вы знали ее. Расскажите мне. Пожалуйста.

ГЛАВА 13. ИСПОВЕДЬ ЭКОНОМКИ

Элинор смотрела на миссис Крамп и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Эта женщина — суровая, требовательная, вечно недовольная экономка, от которой ей всегда доставалось больше всех, — стояла сейчас перед ней с глазами, полными слез, и говорила такие слова, от которых мир переворачивался вверх дном.

— Садитесь, — тихо сказал Себастьян, пододвигая кресло. — И рассказывайте все. С самого начала.

Миссис Крамп опустилась в кресло, словно ноги отказывались держать ее. Э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.